

**Стенограмма парламентских слушаний на тему
«Государственная корпорация развития "ВЭБ.РФ" как платформа
технологического лидерства для координации институтов развития»**

19 февраля 2026 года

А.В. КУТЕПОВ

Все, кто сегодня был на улице, видели, какая обстановка у нас в Москве. На транспортной обстановке это тоже сказалось, поэтому мы в несколько усеченном составе начнем работу.

Данил Евгеньевич, давайте с Вас начнем. Поменяем несколько регламент. Прошу Вас.

Д.Е. ШИЛКОВ

Доброе утро, коллеги! Как вы все знаете, ВЭБ РФ по решению Правительства Российской Федерации уполномочен координировать институты развития для достижения национальных целей развития. Принятие новой стратегии развития на период до 2030 года обусловлено актуализацией системы государственного стратегического целеполагания в соответствии с указом президента от 7 мая 2024 года № 309.

Стратегия задает ключевые направления деятельности институтов развития, входящих в группу ВЭБ.РФ, для решения задач по содействию долгосрочному социально-экономическому развитию Российской Федерации, повышению качества жизни граждан и созданию условий для устойчивого экономического роста. Как вы знаете, эти задачи ВЭБ.РФ решает по следующим ключевым направлениям: это поддержка промышленности во взаимодействии с Фондом развития промышленности; технологическое развитие во взаимодействии с фондом "Сколково", РФРИТ, АТР, ФИОП, ФСИ; поддержка экспорта во взаимодействии с группой "РЭЦ". Поддержку малого и среднего предпринимательства осуществляют у нас Корпорация МСП и МСП Банк. Через инструменты группы "ВЭБ.РФ"

по данным направлениям реализуются государственные программы, финансируемые из федерального бюджета.

Особое внимание этой сфере работы группы "ВЭБ.РФ" уделяет в своих проверках и Счетная палата Российской Федерации. Так, в 2024–2025 годах Счетная палата провела контрольные и экспертно-аналитические мероприятия в самом ВЭБ.РФ и институтах развития, входящих в группу "ВЭБ" по следующим тематикам: государственная поддержка проектов по организации производства высокотехнологичной продукции; реализация проектов в рамках программы "Фабрика проектного финансирования"; реализация проектов, направленных на развитие инфраструктуры, промышленности, городской экономики; реализация мер господдержки по привлечению инвестиций в приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики; реализация мер господдержки инновационной деятельности по созданию и развитию инновационной инфраструктуры; результативность мер, направленных на достижение приоритетов научно-технологического развития и обеспечение технологического лидерства по всем уровням готовности технологий.

По результатам мероприятий были направлены информационные письма в Правительство Российской Федерации, ВЭБ.РФ, а также представления в ВЭБ и федеральные органы исполнительной власти.

Вследствие недостижения целей и результатов предоставления субсидий и нарушения условий предоставления субсидий ВЭБ.РФ осуществлен возврат денежных средств в соответствии с требованием Счетной палаты в бюджет Российской Федерации. Также федеральным органом исполнительной власти по рекомендациям Счетной палаты внесены изменения в нормативные правовые акты, регулирующие меры господдержки по соответствующим направлениям.

О результатах этих проведенных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий Счетная палата в установленном порядке проинформировала Совет Федерации.

У меня все. Спасибо за внимание.

А.В. КУТЕПОВ

Спасибо большое, Данил Евгеньевич.

Я бы слово предоставил пока Дмитрию Викторовичу Ливанову, ректору Московского физико-технического института.

Дмитрий Викторович, пожалуйста.

Д.В. ЛИВАНОВ

Большое спасибо.

Мне сложно выступать перед тем, как Игорь Иванович и коллеги сделают свои презентации. Но я хочу коротко сказать, что, конечно, задача, связанная с технологическим лидерством, которая перед нами стоит, сейчас самая актуальная. Нам важно, чтобы не просто реализовывались крупные технологические проекты, но и чтобы эти проекты были основаны на российских технологиях, на тех продуктах, сервисах, которые разработаны, сделаны и реализуются в нашей стране. Это требует серьезной координации усилий институтов развития, таких как ВЭБ.РФ, с одной стороны, и ведущих российских университетов – с другой, к которым относится, безусловно, МФТИ. И здесь мы видим, с одной стороны, очень серьезные возможности, которые нами пока используются не на 100 процентов (я сейчас о них скажу), а с другой стороны, серьезные ограничения, которые тоже нужно преодолевать.

Первое состоит в том, что, как мы понимаем, у нас объемы финансирования исследований и прикладных, и фундаментальных в стране довольно велики, но эти исследования заканчиваются, как правило, бумагой, то есть отчетами, научными публикациями. А исследований, нацеленных на создание завершенных технологий, на

развертывание высокотехнологичных производств, на выпуск в конце концов высокотехнологичной продукции, практически нет, то есть отсутствуют инструменты финансирования таких исследований.

Эти исследования долгосрочные, они не могут реализовываться в цикле три года или даже пять лет, поскольку мы знаем, например, что в микроэлектронике смена технологических поколений происходит за семь-восемь лет, в фармацевтике требуется несколько лет на разработку, например, новых формул, которые лягут в основу лекарств или новых методов лечения, и так далее. Поэтому здесь требуются долгосрочные программы. А для исследователей, ученых, которые работают в университетах, требуется долгосрочная мотивация. Сегодня они тратят свое время на написание большого количества заявок на гранты. Эти гранты делятся от одного года до трех лет, через год или через три года нужны новые заявки, и это, конечно, не позволяет людям сконцентрироваться, сфокусироваться на решении важных задач.

Поэтому мы, как ведущий инженерный и научно-технологический университет, видим свою задачу в том, чтобы вместе с институтами развития формировать такие долгосрочные технологические программы, точнее, научно-технологические программы, которые лягут в основу технологических заделов, необходимых для производства продукции, услуг на основе российских технологий на горизонте три — пять — семь — десять лет.

В МФТИ создано пять прикладных институтов, которые сфокусированы на решении этих задач. В этих институтах сегодня работают более 2 тысяч исследователей, ими выполняется объем НИОКР более 7,5 млрд рублей в год, и они сконцентрированы, как я сказал, на пяти технологических направлениях. Я их перечислю: первое — это электродвижение, все, что связано с электротранспортом, с накопителями энергии, с новой энергетикой; второе — "цифровое

небо": дроны, низкоорбитальные спутниковые группировки, системы связи, позволяющие работать всем этим средствам в рамках единой технологической системы; третье – микроэлектроника и квантовые технологии; четвертое – биофизика будущего, все, что связано с инновационной фармацевтикой и агротехнологиями, и пятое – искусственный интеллект, это, как все, наверное, знают, сквозная технология, которая позволяет серьезно повысить производительность труда в ключевых, в самых разных отраслях экономики за счет роботизации и замены рутинных как физических, так и интеллектуальных операций, выполняемых людьми. Вот под эти пять институтов, пять технологических направлений нам необходимы длинные средства, длинные деньги, поскольку только это, как я уже сказал, позволяет исследователям сфокусироваться на решении долгосрочных технологических задач, на формировании технологических заделов.

И здесь мы развиваем сотрудничество с корпорацией "ВЭБ.РФ", "Иннопрактикой" и другими институтами развития, ресурсы которых как раз позволяют сформировать нам такие долгосрочные программы.

В целом модель коммерциализации, которая используется МФТИ, состоит в следующем: мы права на результаты интеллектуальной деятельности, которые создаются у нас за счет средств федерального бюджета, передаем нашим дочерним предприятиям, компаниям в обмен на долю МФТИ в этих компаниях. Сегодня таких компаний уже более 15. Мы только начали этот процесс, но каждый год в пределах семи-восьми таких серьезных компаний создаем. Эти компании должны выходить на рынок с новыми продуктами, сервисами, услугами, созданными на основе наших разработок.

Но для выхода на рынок, тем более для создания производства компании необходимы инвестиционные ресурсы. Компании нужно

получить фондирование, нужны крупные фонды, которые обеспечивают финансирование таких компаний. Это делают как фонды, созданные в рамках экосистемы МФТИ, в том числе частные, венчурные фонды, которых у нас много, так и институты развития, такие как ВЭБ.РФ, которые реализуют государственные программы, нацеленные на создание таких технологических лидеров, или технологических чемпионов.

Это то, что мы считаем крайне важным и актуальным делать сегодня, для того чтобы именно российские технологии легли в основу тех крупных технологических проектов, которые реализуются в нашей стране. Спасибо за внимание.

А.В. КУТЕПОВ

Дмитрий Викторович, Вы упомянули, что заявки на гранты долго рассматриваются. А есть какие-то предложения? Вот эта "бумаготворческая" работа ведь очень долго идет.

Д.В. ЛИВАНОВ

Дело даже не в том, что заявки долго рассматриваются (заявки сейчас, может, и недолго рассматриваются), а дело в том, что трехлетний цикл финансирования, который есть по грантам и по субсидиям, не обеспечивает финансирования долгосрочных работ. Как я уже сказал, в высокотехе, то есть в высоких технологиях, будь то микроэлектроника, или инновационная фармацевтика, или машиностроение, цикл разработки гораздо длиннее, чем три года. И вот здесь очень важно создать такие механизмы финансирования, которые были бы адекватны этим задачам. Грантовое финансирование, которое, как я уже сказал, ограничено трехлетним бюджетным циклом, этого делать не позволяет, тем более когда-то этот грант можно получить, а через три года можно его не получить. И понятно, что в этом смысле научная группа распадается...

А.В. КУТЕПОВ

...и результата не получает.

Д.В. ЛИВАНОВ

...прекращает работу, да, и конечный результат не получен. Как раз в этом случае результатом является отчет, то есть бумажный документ, что важно само по себе, но решение задач технологического лидерства при этом не достигается.

А.В. КУТЕПОВ

Мы это в протоколе отразим тогда.

И еще вопрос по поводу 15 компаний: если вы участвуете в этих 15 компаниях, уже есть какие-то результаты?

Д.В. ЛИВАНОВ

Да, конечно, результаты есть. Могу привести два примера. Например, компания "Металион" (это дочерняя компания, которая создана МФТИ, где стратегическим инвестором является Газпромбанк) сейчас проектирует опытно-промышленное производство литий-ионных и пост-литий-ионных аккумуляторов, то есть накопителей энергии. Этот опытно-промышленный завод будет построен прямо рядом с кампусом МФТИ (у нас там создан ИНТЦ "Долина Физтех" со сколковскими льготами). И вот сейчас ведется проектирование. Компания "Металион" сейчас уже капитализирована, ее общий капитал – более 12 млрд рублей. Этот проект сейчас в стадии реализации.

Еще один пример. Компания "КБ 3303" (это тоже дочерняя компания МФТИ) занимается разработкой и, что самое важное, поставкой оборудования в области связи как для гражданского, так и для военного применения. Компании всего два года, но уже в прошлом, 2025 году более 6 млрд рублей – объем продаж этой компании. Она поставляет средства связи, модемы связи, например, для дронов в зону специальной военной операции.

А.В. КУТЕПОВ

Пожалуйста, Игорь Иванович.

И.И. ШУВАЛОВ

Уважаемый Андрей Викторович, уважаемые коллеги! Спасибо за возможность поделиться с Советом Федерации нашим пониманием, как надо правильно выстраивать работу по обеспечению технологического лидерства через институты развития. И будем рассматривать сегодняшнее мероприятие в том числе как подготовительное к "правительственному часу" (нам поставили время на начало лета).

Андрей Викторович, я думаю, что как раз мы совместными усилиями подготовимся добросовестно к тому, чтобы и всему Совету Федерации доложить по этой повестке, и иметь возможность продвинуть некоторые законодательные инициативы, которые мы сегодня в том числе под руководством министра экономического развития разрабатываем. Я как раз еду из министерства, сейчас мы обсуждали некоторые поправки в гражданское законодательство и в части развития инструментов, для того чтобы эту повестку развивать.

Мы, как банк развития, и те организации, которые нам переданы для координации, как вы знаете, достаточно успешно развиваем традиционную повестку. И она связана с тем, что мы предоставляем кредитование в рамках "Фабрики проектного финансирования" и обеспечиваем выдачу гарантий и поручительств по проектам, которые являются традиционными для банков развития. Это, как правило, большие производства. И сейчас мы сконцентрировали достаточно большой капитал для сфер газопереработки и газохимии (это крупнейшие проекты, на несколько триллионов, в нашей стране). Это поддержка других производств, это инфраструктура (за последнее время ВЭБ нарастил компетенцию по развитию городской экономики, включая городской электрический транспорт), это поддержка экспорта, малый и средний бизнес.

И сегодня получилось так, что с утра мы провели с министром экономического развития заседание совета директоров Корпорации МСП, затем на площадке Министерства экономического развития провели заседание специальной рабочей группы при совете при президенте по нацпроектам. И вот эта повестка – экспорт, малый и средний бизнес, крупные индустриальные проекты, городская экономика – это то, что мы за последние годы в ВЭБ и других организациях научились делать неплохо, при этом формируя хороший, надежный кредитный портфель.

Но в условиях специальной военной операции, ограничений, которые были введены, санкций и исходя из нашей магистральной повестки встал вопрос о том, как нам переформатировать свою работу, обеспечивая технологическое лидерство. Эту работу мы стали проводить в том числе с помощником президента Фурсенко Андреем Александровичем, поскольку он все время ориентировал нас на то, что технологическое лидерство отличается от обеспечения технологического суверенитета. И если в условиях этого сжатия, которое начало серьезно развиваться с 2022 года, по обратному инжинирингу, по обеспечению технологического суверенитета мы быстро научились работу проводить, в том числе через Агентство по технологическому развитию и Министерство промышленности и торговли, то обеспечивать технологическое лидерство оказалось не так просто, потому что аппетита к выдаче кредитного ресурса у наших организаций нет.

Мы этой работы опасаемся. Почему? Потому что продукта нет, рынок неизвестно как будет реагировать на эту продукцию, а кредитный ресурс надо предоставлять. Все инструменты построены так, что выдать, например, невозвратные денежные средства из федерального бюджета мы знаем как, а как обеспечить финансирование через кредитные механизмы, посчитав риски, кто эти

риски, в случае если они реализуются, закроет (а закроет в нашем случае только один источник – федеральный бюджет)? Это достаточно сложно. Особенно сложно это делать, когда нам задают серьезные и справедливые вопросы наши контрольные органы – и Счетная палата, и прокуратура, которые проводили у нас серьезные комплексные проверки, как принимаются решения по любым механизмам кредитования или выдаче поручительств и почему наступают дефолты. И вот в этих условиях как раз это новое знание и новые подходы по кредитованию проектов, которые несут серьезные риски (а технологическое лидерство, скорее всего, связано все-таки с более высоким риском, чем традиционные производства, в которых мы уже разбираемся), – задача сегодняшнего дня.

Поэтому, Андрей Викторович, я попросил бы разрешения коллективно доложить с моими товарищами, которые занимаются этой повесткой (естественно, мы все вместе ею занимаемся). Цехомский Николай Викторович отвечает в целом за бизнес в группе развития. Игорь Дроздов отвечает за технологическую повестку. Он вам также известен как руководитель фонда "Сколково", и теперь он руководит всем этим направлением в банке развития ВЭБ. И я вижу Романа Петруцу. Как раз все ссылаются на хорошую компетенцию и возможности Фонда развития промышленности.

Мы бы тогда, не отнимая много времени, вам доложили, как мы эту повестку сейчас развиваем, какие сложности здесь видим и как в ближайшее время будем поступать.

Скорее всего, мы будем просить Совет Федерации и Государственную Думу о поддержке определенных законодательных инициатив (и мы только что в Министерстве экономического развития смотрели в том числе изменения в Гражданский кодекс), для того чтобы, поддерживая какие-то определенные производства, заключать соглашения "либо бери, либо плати". Это такой новый подход в

инновационной сфере. Это развитие новых, инновационных платформ на базе существующих и развитие нового финансового законодательства по аналогии с другими юрисдикциями. Достаточно смелые решения предлагаются. Например, в США на финансовом рынке такой инструментарий работает, в Европейском союзе работает.

Мы относимся к расходованию средств или инвестированию средств негосударственных пенсионных фондов достаточно консервативно. А это риски, извините, в том числе и для пенсионной системы. Поэтому мы, с одной стороны, понимаем ответственность, что эти проекты надо запустить, а с другой стороны, у нас все время будут спрашивать: "Почему вы допустили дефолт?" И вот эта справедливая система распределения рисков и взятия рисков на группу развития — это задача сегодняшнего дня, потому что денег, как вы понимаете, у нас столько, сколько есть, их ни много ни мало, а вот сколько есть нашего капитала. Мы им должны обойтись, мы его должны расходовать грамотно. В любом случае придется поддерживать и традиционные отрасли, которые составляют неотъемлемую часть рядовой семьи. Это развитие системы просвещения и частно-государственного партнерства, в том числе в сфере образования (мы здесь об этом говорили и в рамках парламентских слушаний, что мы будем делать с развитием группы компаний "Просвещение"), это городской электрический транспорт, развитие некоторых возможностей по водоподготовке и водоотведению в городах. Это все традиционная повестка. Если при этом мы сможем продавать какой-то новый технологический продукт или какие-то услуги, мы будем рады, но, как правило, сейчас это все же повестка в этих традиционных отраслях технологического суверенитета, который обеспечивается.

Вот для начала. Я бы попросил продолжить Николая Викторовича.

А.В. КУТЕПОВ

Спасибо.

Роман Васильевич, уровень возвратности-то высокий.

Николай Викторович, прошу Вас. "Либо бери, либо плати".

Продолжим, да?

И.И. ШУВАЛОВ

Дело в том, что у Романа Васильевича такой механизм, который, по сути, безрисковый, и этим он отличается от механизма банка развития, потому что мы-то берем риск по проекту на себя, а Роман Васильевич все делает здорово, лучше нас, но при этом риск не берет на себя.

Н.В. ЦЕХОМСКИЙ

Уважаемый Андрей Викторович! Спасибо большое за предоставленное слово.

Игорь Иванович уже рассказал об очень важном аспекте нашей новой задачи — инвестициях в технологических лидеров. Это в принципе сложная задача для любых институтов развития в мире, потому что действительно риск-профиль очень отличается от обычного риск-профиля. И поэтому 15 июня 2023 года было принято постановление правительства о том, что мы можем инвестировать в технологических лидеров, то есть нам было дано такое разрешение. Мы получили разрешение проинвестировать до 50 млрд рублей в долевое участие. То есть это не стандартные, классические кредитные средства, а долевое участие в таких проектах.

Как мы это реализуем? Мы реализуем это через совместную работу со "Сколково". Была создана компания "СК Капитал", которая является управляющей компанией. Под ней существует компания "Вертикаль Инвестиции" — это, собственно, портфельная компания. Эта портфельная компания будет инвестировать в технологические холдинги. То есть это компании тоже малые, малые формы... Мой

коллега Игорь Дроздов, наверное, чуть подробнее расскажет и о НИОКР, и о малых компаниях, и Роман продолжит эту историю.

Я бы рассказал, наверное, о чуть более уже развитых формах – технологических холдингах, которые инвестируют в технологические компании и повышают собственную капитализацию через эти инвестиции, то есть являются, скажем так, консолидаторами рынка и формирования уже достаточно мощных компаний, которые на следующем этапе могут показать себя в том числе на мировом рынке.

Как я уже сказал, общий лимит на такого рода бизнес был определен в 50 млрд рублей. Достаточно долго, естественно, мы занимались формированием структуры. В 2025 году мы провели две крупные сделки, две инвестиции, о которых я хотел бы сказать.

Общий объем инвестиций, которые мы вложили, – это 10 млрд рублей. И первым таким технологическим холдингом стала компания Softline. Это один из крупнейших IT-интеграторов в России с оборотом около 130 млрд рублей. Холдинг активно осуществляет сделки приобретения. За последние четыре года около 16 таких сделок они осуществили. Основной фокус и ключевые эффекты от развития холдинга – это импортозамещение, рост продаж российских вендоров и экспорт в дружественные страны.

О чем важно здесь сказать? Холдинг в том числе занимается очень важной для нас задачей, мне кажется, как для страны, – это возвращение стратегических активов в Российскую Федерацию. В частности, была приобретена компания VPG LaserONE (это мировой лидер в области лазеров), основанная в 1990 году российским физиком Валентином Гапонцевым. Компания активно выходила на мировые рынки через американский холдинг IPG Photonics, а в 2024 году Softline приобрел ее научно-техническое объединение "ИРЭ-Полюс". То есть на базе этого "ИРЭ-Полюса" формируется уже российская компания, которая имеет все шансы стать технологическим лидером в

области применения лазеров в медицине, телекоммуникациях и промышленности.

Уже сейчас, если говорить, например, о медицине, основная сфера применения лазеров в медицине – это урология, удаление камней с помощью лазера. В России сейчас около 800 урологических операционных, из которых более 600 укомплектованы отечественными системами. То есть это уже действительно применяется. Мы считаем, что это направление должно продолжать развиваться. Мы должны очень активно его поддерживать.

Помимо медицины также активно они используются, безусловно, в телекоммуникациях, в ЦОД, во всем, что сейчас очень актуально, и в промышленности – это и лазерная резка, и лазерная сварка. То есть в принципе компания имеет большие шансы существенно увеличить объемы своего бизнеса.

Вторым примером такого технологического холдинга стала компания "Сайберус" (тоже очень важное направление) – это холдинг по формированию российской суверенной индустрии кибербезопасности и экспорту российских решений в дружественные страны. Сейчас ситуация такая: Россия входит в пять стран мира по развитию технологий информационной безопасности, при этом наша доля в мире – меньше 2 процентов.

И мы видим большой запрос даже на межправительственном уровне, запрос от крупных компаний в дружественных странах. В портфеле холдинга сейчас уже шесть компаний, которые достаточно востребованы. Это в первую очередь Positive Technologies (это защита инфраструктуры, превентивная кибербезопасность). Также входит холдинг F6 (это расследование инцидентов и противодействие киберпреступности).

"Сайберус" прорабатывает межгосударственные проекты сейчас уже в более чем 25 дружественных странах. Также развиваются

проекты по формированию киберсообщества (это "Кибердом"), по обучению – Cyber Education (более 30 тысяч слушателей за год, включая иностранных слушателей, получали образование в этом направлении) и собственные инициативы по уровням индустрии, такие как "Кибериспытание", тестирование киберустойчивости бизнеса через имитации атак. В 2025 году было проведено более 100 кибериспытаний в девяти отраслях с возможностью масштабирования проекта на регионы и другие отрасли. Мне кажется, это очень важная тема для регионов, потому что действительно они проверяют надежность всех систем на любом уровне, будь то электростанции, будь то государственное управление, то есть это очень важное направление деятельности в том числе.

Если говорить о планах на 2026 год, то в плане финализации находятся инвестиционные проекты в области беспилотных летательных аппаратов (считаем это очень важным направлением) и продолжение инвестиций в проекты кибербезопасности уже под зонтиком "Сайберус".

Также мы смотрим и структурируем инвестиционные проекты в области инженерного программного обеспечения, искусственного интеллекта и облачных технологий.

Если говорить о БПЛА, мы видим огромное развитие данного сектора в регионах Российской Федерации. Мы понимаем почему – естественно, СВО является таким важным элементом и тягой в этом бизнесе. Но появилось большое количество промышленных площадок, и растет гражданское применение БПЛА – в сельском хозяйстве, мониторинге стройки, линейных объектов, появляются логистические операторы. Очень активно идет развитие системы беспилотной добычи полезных ископаемых – так называемый беспилотный карьер (тоже интересное направление, считаем, имеет право на развитие).

Мы верим, что Россия имеет все шансы стать одним из мировых лидеров в области применения беспилотных систем и стать нетто-экспортером в этом бизнесе точно.

Для развития рынка БПЛА мы уже очень активно взаимодействуем... У нас есть компания "Консорциум БАС", и вместе с Минэкономразвития были уже определены экспериментальные правовые режимы в целом ряде регионов, в частности в сельском хозяйстве. Пока мы на всю страну их не распространили, но, мне кажется, это очень важно (ну, понятно, есть ограничения сегодня). Эти экспериментальные режимы уже показывают достаточно хорошие результаты. Если говорить о сельском хозяйстве, в первый год, в 2024 году, на этих ЭПР выполнено 6 тысяч полетов и обработано 11 тыс. гектаров полей, а в 2025 году количество полетов превышает 42 тысячи и обработано уже 170 тыс. гектаров, то есть идет такой экспоненциальный рост. То есть очевидно есть интересная экономика в этом направлении высокотеха.

Ну и в рамках инвестиций в облачные технологии мы сейчас рассматриваем синергетические проекты по строительству ЦОД, развитию производства телекоммуникационного оборудования и действительно смотрим разные продукты. Помимо того продукта, о котором я говорю, то есть долевого участия, смотрим, как мы можем помочь этим индустриям гарантиями, или кредитными продуктами, или такой формой, которая у нас есть, – фонд акционерного капитала.

В общем, в любом случае главной нашей задачей является формирование качественной продуктовой линейки, или продуктового предложения. Для институтов развития продуктивное предложение – это, естественно, набор мер поддержки отраслей. Очень внимательно смотрим на рекомендации и идеи, которые возникают в регионах (очень много предложений из регионов мы получаем). Ну и считаем,

что до 2030 года имеем все шансы наши стратегические задачи выполнить. Спасибо.

А.В. КУТЕПОВ

Игорь Иванович, как раз утром сегодня разговаривал... У нас был руководитель Росреестра Скуфинский на заседании комитета буквально позавчера. У нас идет один проект закона по БПЛА как раз, и я думаю, что он в весеннюю сессию уже поступит в Государственную Думу. Только одно ведомство не согласовывает нам его пока (понимаем какое, да?). Вот мы пытаемся довести его. Но я думаю, что он поступит и в весеннюю сессию мы начнем уже в Госдуме его рассматривать (чтобы было параллельно понятно, чем мы тоже занимаемся и какие законодательные инициативы готовим). И хотелось бы нам, конечно, увидеть больше всяких беспилотных вариантов. Мы много, когда была возможность, выезжали и видели, что и в метро беспилотный поезд тестируется уже, и достаточно большое количество людей высвободится в результате этого, поскольку там же не нужен уровень безопасности такой, который нужен на открытых пространствах – на дорогах и так далее.

Игорь Александрович, прошу Вас.

И.А. ДРОЗДОВ

Андрей Викторович, спасибо.

Уважаемые Андрей Викторович, члены Комитета по экономической политике! Я хотел бы рассказать о работе тех институтов развития, которые прежде всего вовлечены в поддержку ранних стадий проекта. Научно-исследовательские, инженерные компетенции группы ВЭБ сосредоточены на Сколтехе. Сколтех (пусть он и не молодой вуз, и на самом деле его даже не совсем точно высшим учебным заведением называть – это исследовательский университет) достиг уже определенных успехов. В частности, буквально пять лет назад был запущен проект по разработке станции

5G с собственной архитектурой и собственным программным обеспечением. И на данный момент он уже реализован, но не просто реализован в виде прототипа – на базе инжиниринговой компании, которой передана лицензия, налажено серийное производство отечественных станций 5G. В прошлом году развернуто 200 таких станций в 37 регионах, таких как Амурская, Томская области, Краснодарский, Хабаровский края. В этом году планируется установка станций еще в 10 регионах. То есть за пять лет в принципе мы прошли путь... может быть, еще не достигли тех характеристик, но близки к тому, что сделали в этой отрасли такие лидеры, как компании Ericsson и Huawei.

В настоящее время Сколтех участвует в проекте по созданию натриевых аккумуляторов (мы буквально недавно с Игорем Ивановичем были в Красноярском крае, встречались с губернатором), и есть большой интерес к этой разработке, которая сейчас финансируется Российским научным фондом. Мы рассчитываем, что в ближайшие годы действительно будет создан полноценный аккумулятор. Он имеет определенные преимущества перед литиевым, к которому мы привыкли, особенно в северных широтах, и может использоваться не только для электротранспорта, который сегодня уже упоминали, но и, в частности, как резервные мощности для центров обработки данных. И, более того, уже даже есть предварительное соглашение о том, что на базе одного из заводов "Росатома" в Красноярском крае может быть развернуто производство этих аккумуляторов.

И приведу третий пример – по теме искусственного интеллекта. В Сколтехе расположен один из ведущих в России центров именно в области прикладного искусственного интеллекта, он создает прикладные решения для инженерных и промышленных задач. В частности, уже разработан продукт, который позволяет прогнозировать

ледовую обстановку на Северном морском пути, или, как мы его сейчас называем, в Трансарктическом транспортном коридоре. Разработан продукт, который позволяет обрабатывать спутниковые снимки при помощи софта, повышая разрешение и качество распознавания на целевых объектах.

И здесь, пользуясь случаем, поскольку я упомянул о софте, я хотел бы отдельно выразить благодарность Совету Федерации, лично Валентине Ивановне и Лилии Салаватовне Гумеровой – в рамках совета по интеллектуальной собственности они поддержали инициативу по расширению возможностей в части патентования IT-решений. Такой законопроект был внесен в Государственную Думу и принят в первом чтении. Мы рассчитываем, что с вашей поддержкой он будет достаточно быстро в этом году принят.

Конечно, все это делают люди. И здесь тоже мы хотели похвастаться: сотрудник Сколтеха – один из руководителей биологической лаборатории Артем Исаев буквально две недели назад был удостоен премии президента в области науки и инноваций для молодых ученых за 2025 год. Известно, что антибиотики все менее и менее по ряду параметров эффективны в борьбе с бактериальными инфекциями, и вот Артем как раз разрабатывает технологию, которая позволит эту проблему преодолеть, альтернативные способы воздействия на такого рода инфекции.

Продолжу дальше о людях и о людях в регионах. Программа поддержки наших институтов развития, таких как Фонд содействия инновациям и фонд "Сколково", ориентирована на поддержку прежде всего малых технологических компаний. Они компактны, мобильны, часто мы считаем, что они не способны какие-то серьезные задачи решать, но тем не менее во многих случаях даже не замечают, а у них это получается.

Тесно работают Фонд содействия инновациям и фонд "Сколково" с регионами. В частности, Фонд содействия инновациям имеет представителей практически в 80 регионах, фонд "Сколково" имеет региональных операторов в 25 регионах. Всегда это люди, организации, номинированные местными властями. То есть это, так сказать, не варяги, это те, кто работает на месте и знает предпринимательский климат в регионе. В ряде случаев это одни и те же люди: представляют и Фонд содействия инновациям, и фонд "Сколково". И в нашем представлении это как раз и обеспечивает необходимую бесшовность: в одной точке региональный предприниматель может получить консультацию по федеральным и региональным мерам поддержки, получить помощь в подготовке заявки на финансирование и помощь в выборе траектории развития проекта.

Конечно, важно не только то, что технологические предприниматели в регионе реализуют какие-то проекты и делают нашу жизнь лучше, но и то, что это позволяет им реализовывать свой творческий потенциал именно в регионе, где они живут и работают, и им не нужно оттуда уезжать в Москву. Я хотел привести несколько примеров успеха, на мой взгляд, где как раз институты развития сообща помогли этого успеха достичь.

В частности, в Ижевске есть компания "Беспилотные системы" (сегодня уже говорили о БПЛА). Ее основатель – коренной ижевчанин. Он основал ее еще в 2003 году, когда об этом даже никто не говорил, а с 2010 года компания уже начала выпускать беспилотные аппараты для нужд и "Газпрома", и "Россетей", и МЧС. В 2015 году получила статус резидента "Сколково", финансирование от Фонда содействия инновациям и проинвестировала в создание собственного научно-исследовательского центра, который разрабатывает и водородные элементы, и навигацию на компьютерном зрении. В этом центре

сейчас работают более 100 инженеров, 10 кандидатов наук. И это позволило действительно уже качественную технику изготавливать. В нынешних условиях компания нарастила производство в 50 раз. И, действительно, таким образом инженер из Ижевска за 20 лет смог создать, по сути, завод мирового уровня.

Другой региональный пример, может быть, чуть-чуть связанный со сферой креативных индустрий (сейчас поймете почему), – это компания из Иванова. Местный промышленник в 2011 году решил создать производство мембран для морозоустойчивой одежды с повышенными защитными барьерами (может для спорта использоваться, в области медицины, врачами например). Он создал полный цикл производства. Тоже помощь ему была оказана со стороны Фонда содействия инновациям, и даже потом Фонд развития промышленности помог в создании производства заемными средствами. И в прошлом году такое производство было открыто, оно закрывает потребности всей Российской Федерации в такого рода материале: 150 млн погонных метров в год способно выпускать это производство.

Ну и про Петербург (его сложно назвать отдаленным регионом, но тем не менее). Сегодня про электротранспорт, про электробусы тоже говорили. Конечно, развитие электротранспорта невозможно без развития инфраструктуры зарядных станций. И в 2016 году в Петербурге аспиранты технических вузов собрали первую зарядную станцию буквально из комплектующих, которые приобрели в магазине, а уже в 2019 году вышли на серийное производство ультрабыстрых зарядных станций. Подписали экспортный контракт с Беларусью, и сейчас в Москве и Петербурге развернуто уже несколько десятков зарядных станций именно для электробусов. Выручка компании уже приближается к миллиарду рублей, а их флагманская модель включена в реестр Минпромторга. Заряжает три электромобилей (это как три

стойки заправлять) за 20 минут. Можно при температуре минус 35 полностью заряжать электромобиль.

Наверное, одна из основных проблем, с которой сталкиваются сегодня те, кто создает технологии, – это поиск крупных заказчиков. Вот мне дали даже цитату одного из предпринимателей: "Консерватизм и скептицизм крупных заказчиков не дают возможности выходить к ним". Действительно, все-таки вот эти ребята готовы рисковать, это для них основной бизнес. Крупным компаниям всегда сложно перейти к чему-то, может быть, к чему-то новому, пусть даже качество выше, но всегда фокусироваться на неких рисках – это сложно.

И сегодня, кстати, Игорь Иванович говорил уже про специальную рабочую группу. Вот было еще одно из предложений, которое сейчас прорабатывается, – законопроектная инициатива, правда, касается договора купли-продажи будущей вещи, но применительно к госзакупкам. Сейчас, как нам говорят, все-таки существует законодательное ограничение: даже если государственная компания готова закупить, она должна уже четко описать, что она закупает, товар должен быть, существовать. Это не дает возможности осуществлять закупки будущей вещи, ну, по сути, под обязательство малой компании этот продукт в определенном времени предоставить. Там могут, естественно, меняться характеристики. Все это сейчас законодательство о закупках не позволяет. Вот сегодня мы такую инициативу рассматриваем. Спасибо.

И.И. ШУВАЛОВ

Андрей Викторович, позвольте одну реплику? Игорь Александрович сейчас ссылался на Сколтех. Действительно, в числе организаций, которые координирует ВЭБ, – весь проект "Сколково", включая Сколтех. И для нас это базовые организации, на компетенции которых мы полагаем свои будущие бизнес-планы по разработке и внедрению новых технологий. Однако (еще раз, я сожалею, что позже

пришел и не услышал выступление Дмитрия Викторовича) для нас сейчас партнерство с Физтехом является ключевым. Мы здесь, конечно, не переоцениваем возможности Сколтеха, хотя они существуют, и большие, но видим возможностей больше в надлежащем партнерстве между проектом "Сколково" в целом, Сколтехом и Физтехом.

Мы встречались с Дмитрием Викторовичем, договорились, что подпишем соответствующее соглашение, будем его продвигать и образуем серьезное партнерство, потому что та модель, которая была с МІТ по Сколтеху, после 2022 года уже неактуальна. Но в совместных возможностях Физтеха и Сколтеха мы видим как раз лидирующие позиции в области обеспечения технологического лидерства. Поэтому для нас это очень важное партнерство, будем его всячески поддерживать и те планы, которые есть у Физтеха по отдельному здесь направлению. И мы надеемся, что будем встроены со своими финансовыми инструментами в вывод их технологий на рынок.

Предваряя выступление Романа Васильевича, хочу сказать следующее. Там первоклассная команда. Отлично, что она на рынке известна. И поскольку, как я вам сказал, мы побаиваемся брать этот риск на себя, мы будем как раз развивать свои бизнес-технологии, бизнес-возможности, опираясь на компетенции команды Романа Васильевича. И как раз хотим их больше и больше вовлекать в принятие бизнес-решений, их силами, на баланс ВЭБ. Это работа, которую мы ставим перед собой тоже как задачу. Так вообще мало кто работает, и в принципе у нас такого опыта пока нет ни у кого, но мы как раз хотим доверить эту работу Роману Васильевичу. Спасибо.

А.В. КУТЕПОВ

Игорь Иванович, мы не первый раз встречаемся, и я слышу все время про Красноярский край. В недавнем прошлом губернатор же

был министром, поэтому, мне кажется, он сам должен быть заинтересован в том, чтобы продвигать всё.

Андрей Владимирович просил слово, через 10 минут ему нужно уйти.

А.В. ЯЦКИН

Нет, я хочу Романа Васильевича послушать, а после этого, если позволите, задам вопрос.

А.В. КУТЕПОВ

Роман Васильевич, прошу Вас.

Р.В. ПЕТРУЦА

Уважаемые Андрей Викторович, Андрей Владимирович! ФРП хорошо известен Совету Федерации: мы регулярно принимаем участие в работе Комитета по экономической политике, буквально вчера мой первый зам у вас был. Мы под чутким "присмотром" Дмитрия Николаевича Вороны. Если он в четверг в 16 часов отсутствует на каком-то вашем мероприятии, совершенно точно он на заседании Экспертного совета Фонда развития промышленности.

Но все-таки немного истории. Фонд развития промышленности создан в 2014 году как ответ на первые вызовы, связанные с санкциями, с возросшей стоимостью заемных средств, поступательным снижением, износом основных фондов, и нужно было решать задачу длинных и дешевых денег на развитие. И здесь мы угадали с первых дней вместе с Минпромторгом с продуктом, который полюбила промышленность. Благодаря нам предприятия создают новые продукты, создают новые предприятия, новые технологии, и практически все это во имя уже достаточно избитого слова "импортозамещение", но сейчас оно, конечно, обрело уже и дополнительный смысл — это технологический суверенитет.

На сегодняшний день мы профинансировали свыше 2100 проектов, предоставив бизнесу более 700 млрд рублей. Общий

мультипликативный эффект – свыше 1,3 трлн рублей. При этом новый этап работы фонда сейчас напрямую связан с обновленными нацпроектами. В рамках группы института развития ВЭБ.РФ мы отвечаем за технологическую повестку. Пять проектов национального лидерства (прямо в лоб) – наш мандат, и еще в ряде мы участвуем косвенно.

Важно подчеркнуть, что к моменту запуска этих обновленных нацпроектов фонд уже подошел с серьезным багажом, опытом финансирования проектов такого порядка, такого приоритета. И об этом хорошо говорит структура нашего портфеля: сейчас порядка 40 процентов – машиностроение. Понятно, что это одна из основополагающих отраслей технологического суверенитета. Второе и третье места занимают такие наукоемкие отрасли, как химия и фармацевтика.

Фокус на финансирование направлений в рамках нацпроектов был дополнительно усилен в фонде в августе прошлого года решением наблюдательного совета, куда входят, кстати, два представителя ВЭБ.РФ. Мы включили в перечень приоритетов работы фонда перечень продукции, карт кооперации нацпроектов. Создан он совместно с отраслевым департаментом Минпромторга. На сегодняшний день там 650 кодов ОКПД и около 3 тысяч позиций, если посмотреть номенклатурно. При этом мы посмотрели, умеем ли мы... Я уже сказал, что опыт есть, но примерно половина наших проектов за последние три года в лоб попадали в эти самые перечни. Фактически этот перечень сейчас является для предприятий навигатором, во что стоит сейчас вкладывать деньги, какой заказ есть от промышленной политики в отношении конкретной продукции.

В 2025 году мы профинансировали порядка 60 проектов такой направленности в 30 регионах, предоставив свыше 20 млрд рублей. В качестве примера могу привести нацпроект "Новые материалы и

химия". Мы предоставили химическому производству Нижегородской области... Группа "Синтез ОКА" будет выпускать в Дзержинске полиэфирные и химические масла. Они нужны НПЗ, автозаводам и строительным компаниям.

По нацпроекту "Средства производства и автоматизации" в прошлом году совместно с региональным фондом... Я помню, 87 региональных фондов созданы по всей стране, это большие наши помощники и амбассадоры на местах. И с гордостью могу сказать, что за прошлый год они повторили рекорд – сделали опять тысячу проектов на всю их дружную братию. Это каждая по отдельности маленькая точка роста. Конечно, справедливости ради, не каждый из них высокотех, но с малого начинается. Там есть зерна, которые потом прорастают в большие, крупные проекты.

Компания "Роботех" в Перми за счет средств займа наладит выпуск промышленных роботов и 3D-принтеров.

По транспортной мобильности приведу один из недавних примеров. В Москве мы профинансировали проект по производству комплектующих для топливных насосов Sukhoi Superjet.

Важной частью, которой пока нет в периметре этого перечня, являются автокомпоненты. Мы сейчас ведем работу с отраслевым департаментом Минпромторга по включению широкой номенклатуры критических комплектующих, но это не означает, что мы этого не делаем. В 2022 году была запущена специальная программа "Автокомпоненты". Именно благодаря утильсбору в свое время фонд был достаточно серьезно докапитализирован из этих средств, и все эти средства отрасль получила фактически обратно. Мы предоставили автопрому свыше 100 млрд рублей почти на 100 проектов.

Помимо этого, фонд выступает оператором кластерной инвестиционной платформы. Это проекты (я так называю их) партера российской промышленности, серьезного, значимого для страны

масштаба, где можно привлечь средства от 2 до 100 млрд рублей в виде банковского кредитования.

Наш средний чек сейчас – всего 500 миллионов при максимальном размере займа до 1 млрд рублей. И здесь банком-кредитором выступает ВЭБ (кстати, и гарантом тоже), выступают и такие банки, как "Сбер", Новикомбанк, Газпромбанк. И половина из тех проектов, которые были проэкспертированы фондом и поддержаны межведомственной комиссией (а это 23 проекта в 15 регионах, 800 млрд рублей – общий бюджет), по нашей оценке, соответствуют национальным проектам технологического лидерства.

Так, в Татарстане был поддержан проект создания углеродного волокна для гражданской авиации. В Самарской области будет построен завод по производству анилина для химической отрасли. А также в Москве – по производству аккумуляторных батарей для беспилотников (по этой теме много сейчас уже прозвучало). В фонде тоже финансируются проекты беспилотья. Более того (ну, понятно, с каким прицелом), с десятков проектов связаны с обороткой для комплектующих уже прямо для боевого применения. Помимо этого, приходят уже первые ласточки для гражданского применения.

Завершая выступление, скажу, что за 11 лет работы эффективность возвратного финансирования была подтверждена. Мы сейчас запустили на третий инвестиционный цикл те средства, которые получили в 2015 году. Это были первые 20 млрд рублей. Помимо этого, при сохраненном капитале в 400 миллиардов порядка 380 на сегодняшний день заплатили в форме налогов, только прямых налогов, которые мы видим в периметре реализации проектов совместно с нами, а предприятия продолжают работать. Это тот вклад в экономику, который вносят наши проекты. И имеющийся в нашем распоряжении оставшийся объем средств мы предполагаем направлять в дальнейшем на те же самые проекты, по сути, которые нужны стране.

В 2026 году в нашем распоряжении порядка 100 млрд рублей, чуть меньше, чем в прошлом, но уже в следующем – существенно больше, чем в этом, ровно потому, что начинает возвращаться тот объем средств, который был нам предоставлен в 2022 году.

А.В. КУТЕПОВ

Один из немногих институтов, который был создан, наверное, благодаря Вам, Игорь Иванович, – Фонд развития промышленности, который дает такие результаты. Куда бы мы ни приехали, когда показывают производство – везде стоит ФРП. Последним, куда мы приехали, был Калининград. Прямо цеха стоят, которые готовят... Правда, только привезли станки. Но все станки, где бы мы ни были (и в Тверской области мы сейчас были)...

Андрей Владимирович, пожалуйста.

А.В. ЯЦКИН

Спасибо.

Добрый день, Игорь Иванович и вся Ваша команда! На самом деле у меня нет никаких оснований не сказать, что ВЭБ всегда плотно работает с Советом Федерации – палатой регионов.

Игорь Иванович, мы уже как об историческом факте говорим о таком реализованном проекте в городской экономике, как городской электрический транспорт в Таганроге. Он, пожалуй, единственный реализованный. Я благодарен Вам – Вы тогда очень серьезно подключились. Коллега Николай Цехомский туда был реально подключен.

Конечно же, Совет Федерации – палату регионов больше всего интересуют вопросы той самой традиционной экономики. Но сегодня поставлен вопрос технологического лидерства.

Я не случайно остался послушать Романа Васильевича. Почему? Потому что он упомянул об эффективной работе Фонда развития промышленности и такой же эффективной работе региональных

фондов развития промышленности. Но в рамках работы совета по интеграции наших исторических регионов у нас всегда возникает вопрос о реализации такого механизма, как "зонтичные" поручительства. А там замкнутый круг (Игорь Иванович, я не требую сейчас быстрого ответа), когда требуется заключение ВЭБ, с одной стороны, в отношении деловой репутации региональных фондов развития промышленности, а с другой стороны, это не дает оснований им же работать с какими-то проектами — как с проектами традиционной экономики, так и с проектами технологического лидерства. Я просто хотел бы этот вопрос обозначить. Он очень существенен. При этом Минфин (Ирина Окладникова) его тоже поддерживает, указывая в письме, что есть соответствующая программа, есть соответствующая статья, которая регламентирует выдачу таких заключений. Но, к сожалению, воз и ныне там: они не выдаются. И репутация региональных фондов развития промышленности, особенно исторических регионов, не подтверждает возможность привлечения дополнительных денежных средств.

Вот эта тема как бы на подумать и решить, потому что Вы все равно придете на "правительственный час" в июне и опять возникнет этот вопрос.

И второй вопрос. Не буду говорить о традиционной экономике, а скажу о том проекте, который поддерживает Валентина Ивановна Матвиенко (вы знаете, это томский кластер беспилотья). Он реализован, даже представлен главе государства. И я хотел бы увидеть (вот ни разу не упоминали)... Говорили здесь о беспилотье, но о Томске я не услышал. Я бы хотел обратить внимание: нужно, чтобы его тоже увидели в периметре. На самом деле реальные проекты по беспилотью, при этом многосредные — и воздух, и земля. И в том числе Санкт-Петербург...

Мы работаем с коллегами Секиринским и Колесниковым здесь по определенным изменениям закона об экспериментальных правовых режимах (а его тоже надо было упоминать в этой среде). Мы, конечно же, рассчитываем на то, что ВЭБ, как колоссальная корпорация развития, здесь будет активным двигателем, локомотивом. Спасибо.

А.В. КУТЕПОВ

Спасибо.

Дмитрий Викторович, вас упоминали несколько раз сегодня. Ну, давайте хотя бы в завершение... или обратимся к банку тогда.

Д.В. ЛИВАНОВ

Единственное, что я хочу сказать в дополнение к тому, что уже сказал, — когда мы говорим про технологическое лидерство, нам под этим важно понимать не просто технологию, которая по своим параметрам превышает какой-то определенный уровень (пусть превышает мировой уровень), а именно ту технологию, которая реализована в конкретных изделиях, продуктах, сервисах, занимающих существенное место на рынке. Если вы лидеры в своей области, держатели каких-то знаний, но эти знания неприменимы на практике, нигде не используются, не приводят к экономическому результату, то вряд ли это можно назвать технологическим лидерством. И вот здесь очень важная, мне кажется, вещь — такая ниша, которую необходимо заполнить. Поскольку кто, собственно, развертывает производство, кто выводит на рынок новые продукты и услуги? Это делают предприниматели, это делают компании, это не делают научные организации, университеты, фонды и так далее. Вот создание именно таких предпринимательских структур, нацеленных на результат, — это, на мой взгляд, основной институциональный маневр, который нам необходим на пути к технологическому лидерству.

И здесь нам нужны, с одной стороны, центры разработки современных технологий, к которым относятся ведущие российские

университеты, в том числе МФТИ, Сколтех и так далее, и, с другой стороны, нам нужны фонды, которые позволяют получить средства таким технологическим компаниям, которые создаются в университетах. Именно поэтому для нас важно партнерство с ВЭБ.РФ, другими институтами развития. Именно в развитии этих элементов национальной инновационной системы я вижу будущее. Это именно то, чего сегодня не хватает. Поскольку, если мы посмотрим наши затраты на НИОКР в стране, из них две трети – государственные, одна треть – негосударственные, частные, а должно быть наоборот. То есть государственных у нас достаточно, даже много, можно сказать, по мировым меркам, а вот расходов бизнеса недостаточно, то есть нет схем, которые позволяют предпринимателям инвестировать средства в российские технологии, в их разработку и выведение на рынок. Вот в этом именно и задача, как мне кажется, институтов развития, в том числе ВЭБ.РФ.

Те холдинги, о которых было сказано, пока существуют в IT-сфере, в сфере информационной безопасности, но нам, конечно, нужны такие компании в области высокотеха, микроэлектроники, приборостроения, станкостроения и так далее, тогда мы действительно сможем говорить о технологическом лидерстве. Спасибо.

А.В. КУТЕПОВ

Спасибо.

Максим Андреевич, только что у Вас было совещание, судя по всему. Может быть, в продолжение... На самом деле предприниматели больше вкладывали бы денег, если бы налоговая база была поощрительная, и благотворительности было бы больше.

Максим Андреевич, прошу Вас.

М.А. КОЛЕСНИКОВ

Андрей Викторович, я бы несколько слов все-таки еще сказал про ВЭБ, про важность института ВЭБ.РФ для развития экономики.

Понятно, что мы сегодня рассматриваем ВЭБ.РФ как платформу именно технологического лидерства, но на самом деле что для нас ВЭБ и какую нам экспертизу дает соглашение о защите и поощрении капиталовложений? 73 таких соглашения у нас заключено, четыре соглашения было заключено в прошлом году на общую сумму 4,2 трлн рублей. Все соглашения ВЭБ выступают в роли такого важного финансового аналитика, финансового эксперта, который дает второе мнение при принятии решения о заключении таких соглашений.

"Фабрика проектного финансирования" – 44 проекта суперкапиталоемких (6,5 триллиона), очень непростых, с синдицированным кредитованием. ВЭБ ведет эту программу, позволяет структурировать сложные проекты, где действуют определенные нормативы Центрального банка по ограничению лимита на одного заемщика. Благодаря таким инструментам, как "фабрика" и синдицированное кредитование, можно запускать такие проекты.

Таксономия проектов технологического развития. Вы прекрасно знаете, есть такая мера (совместно с Центральным банком правительство разработало). 68 проектов уже под эту меру подошло на 5,9 трлн рублей. Эта мера позволяет снижать риск VSA для банков, которые кредитуют эти проекты. ВЭБ здесь также выступает в роли такого технологического эксперта. Ну и на самом деле многое другое.

Более того, мы сейчас коллег еще "расширяем" на концессии (у нас есть такое поручение президента). Концессии стоимостью более 3 млрд рублей, в том числе региональные, должны будут проходить экспертизу ВЭБ. Это, на наш взгляд, должно существенно повысить качество принимаемых решений.

С точки зрения дополнительных мероприятий – мы их прорабатываем, как уже Игорь Иванович говорил, в рамках специальной рабочей группы, которая была создана во исполнение на

самом деле поручения президента по формированию из ВЭБ некоей технологической платформы.

Ну и ряд вопросов мы сегодня обсуждали. Это действительно необходимость, которая назрела, по модернизации нашего гражданского законодательства, Гражданского кодекса в части того, чтобы дать возможность все-таки сторонам договариваться об условиях прекращения своей деятельности, условиях прекращения взаимоотношений и условиях расторжения без рисков переквалификации таких договоренностей в некие иные статьи — статьи по незаконному, несправедливому обогащению, по обнулению этих договоренностей через сложившуюся практику (все это не побуждает компании заключать между собой такие соглашения). Мы здесь в том числе касаемся вопроса договора купли-продажи будущей вещи и инструмента *take-or-pay* в бизнесе, и это, конечно, должно помочь бизнесу иметь некий гарантированный спрос. И нам, конечно, важно, чтобы такие соглашения в том числе были, что называется, *bankable*, чтобы банки под такие соглашения могли давать финансирование, могли давать кредиты. Это первое.

Второй вопрос, которого уже касались, — это такое большое переосмысление текущих налоговых льгот, в том числе льгот по НИОКР. Вот уже говорили сегодня про такую как бы обратную формулу: то есть у нас две трети финансируется действительно из бюджетных источников и только одна треть — из внебюджетных источников. На это есть ряд причин. Первая причина, на наш взгляд, больше технологическая — это особенности учета вообще таких затрат в налоговом учете, возможность их принимать к расходам в текущем налоговом периоде в отличие от прочих расходов. Но на самом деле там главная проблема — это проблема, связанная с тем, что складывается судебная практика, при которой компании подают на повышенную льготу — $\times 2$ по расходам к налогооблагаемой базе по

налогу на прибыль, а суды принимают решения о том, что не доказана новизна в масштабах науки. То есть, да, предприятие потратило деньги, да, все хорошо, но, когда начинает трактоваться термин новизны, судебная практика уносит это в сторону закона об образовании и науке, где новизна в рамках таких фундаментальных критериев обозначена. Ну и, конечно, многие заявители просто такую льготу из-за этого не получают.

Мы все эти вопросы обсуждали на недавней стратегической сессии по интеллектуальной собственности и какие-то предлагаемые решения будем предлагать (прошу прощения за тавтологию) на стратегической сессии по науке, которая также должна быть в ближайшее время проведена. И здесь, конечно, роль ВЭБ как экспертной организации для нас тоже важна. Мы совместно с коллегами все эти идеи обрабатываем. Спасибо.

А.В. КУТЕПОВ

Максим Андреевич, давно сформировано наше мнение о том, что не надо в отношении всего Уголовный кодекс применять. Если есть взаимоотношения между хозяйствующими субъектами, всегда можно... Это материальные взаимоотношения. Так и нужно, чтобы на материальных основах оно формировалось. И решения, которые принимаются, должны касаться именно возврата (невозврата) денежных средств, а не обязательно статьи Уголовного кодекса. Потому что мы полностью вымываем предпринимательское сообщество, выметаем его всё. Вы должны быть инициатором этих инициатив (также тавтология).

Денис Сергеевич, прошу Вас.

Д.С. СЕКИРИНСКИЙ

Спасибо.

Уважаемый Андрей Викторович, уважаемые Игорь Иванович, коллеги! Я, наверное, начать должен с того, что в целом у нас сегодня

вся деятельность Минобрнауки сосредоточена на достижении национальной цели – технологическое лидерство.

Дмитрий Викторович в первой части своего выступления сказал о том, что у нас сегодня половина работ заканчивается бумажными отчетами.

Я просто должен обратить внимание на то, как выглядит бюджет государственной программы научно-технологического развития, которая была объединена по поручению президента. На науку в ней содержится 695 млрд рублей, из них 348 миллиардов – на фундаментальные исследования, 346 – на прикладные, то есть примерно пополам. Конечно, когда мы говорим про фундаментальные исследования, как правило, они заканчиваются прежде всего публикациями в научных журналах. И здесь наша основная задача совместно с Российской академией наук – обеспечить высочайшую и глубочайшую экспертизу этих результатов, потому что это все есть основа тех будущих технологий, о которых в начале говорил Игорь Иванович, оригинальных решений, а не повторяющих или не аналогичных тому, что уже есть.

Вместе с тем работаем в этой части по трем ключевым направлениям, я имею в виду – в части достижения технологического лидерства и работы с квалифицированным заказчиком, потому что квалифицированный заказчик является ключевым участником и, я бы так сказал, ответственным за получение конкретных продуктовых результатов.

Говорили о том, что действительно у нас в отличие от тех стран, которые принято называть лидерами научно-технологического развития, соотношение финансирования бюджетного и внебюджетного примерно 70 на 30. Но вместе с тем во многом в силу объективных причин, своего рода побочных эффектов СВО мы с 2022 года наблюдаем увеличение доли и абсолютных объемов финансирования

науки со стороны реального сектора экономики. Я просто приведу цифры: если в 2022 году в структуре внутренних затрат на исследования и разработки частных денег было 512 млрд рублей, то в 2024-м – уже 753, то есть увеличение на 250 миллиардов (это достаточно заметная сумма).

Для стимулирования этой работы мы движемся в трех направлениях.

Первое – это инструменты по двум флагманским программам Минобрнауки: это "Приоритет-2030" и "Передовые инженерные школы". Я могу сказать, что в рамках "Приоритета-2030" общий объем финансирования программы с 2021 по 2025 год со стороны бюджета составил 143 млрд рублей, со стороны внебюджетных источников – 252. То есть это те деньги, которые подтверждают некую значимость и востребованность тех результатов, которые получают университеты. По ПИШ на 30 миллиардов бюджетных средств – 33 миллиарда внебюджетных. Это тоже примеры тех проектов, которые реализуются в тесном взаимодействии квалифицированного заказчика и исполнителя и заканчиваются, как правило, конкретными технологическими решениями.

С 2023 года ввели в пилотном режиме инструмент формирования госзадания в интересах квалифицированного заказчика. Госзадание – это основной директивный инструмент (не конкурсный, а директивный), которым мы оперируем. И очень большой интерес со стороны компаний. У нас в первый год было 120 заявок со стороны организаций реального сектора экономики, в прошлом году уже было 1200. Под эти запросы мы предлагаем нашим подведомственным организациям выступить их исполнителями. Денег дополнительных с заказчика мы не берем. Это деньги, которые и так есть в бюджете и выделяются по госзаданию. То есть мы пытаемся вернуть первоначальный смысл этому словосочетанию – "государственное

задание". Как правило, заказчиком выступают государственные корпорации, наши крупные игроки (все мы их знаем). Смысл в том, что и заказчик тренируется формулировать задачи, потому что этот навык во многом был утерян нашими компаниями, мы это понимаем, когда все привыкли покупать готовое, ну и организации, академические институты прежде всего и университеты, тоже приобретают навык становиться исполнителями и соответствовать неким требованиям, которые предъявляет к ним реальный сектор экономики.

Второе направление – это развитие инфраструктуры. У нас была достаточно большая программа по обновлению приборной базы. Более 60 млрд рублей за пять лет было направлено в институты, научные организации, университеты. Речь идет о научном лабораторном оборудовании. В прошлом году модернизировали эту программу, теперь делаем ставку на инжиниринговые центры, которые позволяют масштабировать наработанные результаты в лабораторных условиях, делать их более заметными для компаний, организаций реального сектора экономики.

И в этом же ключе должен отметить и поблагодарить Минпромторг России за такой совместный инструмент, как оснащение площадок малотоннажного производства в области химии и материалов, который мы вместе с ними поддерживаем в рамках нацпроекта по химии. Три площадки в прошлом году было открыто, в этом году отберем еще порядка 15. Буквально на прошлой неделе ездил в Ростов-на-Дону, открывал одну из них – по микрофлюидике с группой компаний "Титан". План работы – уже на пять лет вперед. В общем, отличный проект. Еще раз благодарю коллег.

И третье – это регуляторика. Поскольку речь зашла про налоговые меры, мы по поручению Дмитрия Николаевича Чернышенко совместно с комиссией Госсовета с упомянутым уже

Михаилом Михайловичем Котюковым проанализировали все существующие налоговые расходы. Всего у нас более тысячи налоговых льгот, 49 из них отнесены к сфере науки и технологий. Там они делятся на три группы – это технические меры, социальные и стимулирующие. И, действительно, у нас по итогам прошлого года было всего 60 организаций, которые воспользовались той самой мерой, о которой говорил Максим Андреевич, – так называемым коэффициентом 2.

При этом мы смотрели зарубежные примеры и образцы – там аналогичная мера является одной из самых востребованных и счет количества компаний, которые воспользовались такой мерой, ведется на десятки тысяч. Здесь явно у нас идет какое-то расхождение. Действительно, отчасти это связано с судебной практикой, ну и с удобством ее получения. Я напомним, что там требуются достаточно сложное проведение экспертизы и отнесение конкретных расходов к сфере НИОКР. Мы предполагаем сделать это в автоматическом режиме, через нашу платформу ЕГИСУ НИОКТР (домен "Наука") с подтверждением расходов на НИОКР от академии наук, которая является нашим ключевым экспертным органом. В общем, будем двигаться в этом направлении.

Наверное, Андрей Викторович, я на этом остановлюсь, с Вашего разрешения. Спасибо.

А.В. КУТЕПОВ

Спасибо.

Кирилл Алексеевич, прошу Вас.

К.А. ЛЫСОГОРСКИЙ

Уважаемый Андрей Викторович, уважаемый Игорь Иванович, уважаемые коллеги, добрый день! В первую очередь (уже много было сказано) под управлением ВЭБ находятся такие курируемые Минпромторгом институты развития, как Фонд развития

промышленности, Агентство по технологическому развитию и Российский экспортный центр. В целях обеспечения эффективного участия данных институтов развития в мероприятиях, направленных на достижение национальных целей развития Российской Федерации в части технологического лидерства, Минпромторгом реформированы в открытые форматы и доведены до институтов развития карты технологической кооперации национальных проектов технологического лидерства. Имеются в виду проекты "Средства производства и автоматизации", "Промышленное обеспечение транспортной мобильности", "Беспилотные авиационные системы", "Новые атомные и энергетические технологии", "Новые материалы и химия" и новый проект, запущенный в этом году, "Технологическое обеспечение биоэкономики". Кроме того, сведения о продукции, входящие в карты технологической кооперации НПТЛ, также направлены в государственную корпорацию "ВЭБ" и Минобрнауки для дальнейшей фокусировки мер поддержки на этих мероприятиях. Также мы обеспечили приоритизацию выдачи займов фонда на поддержку продукции, соответствующей целям НПТЛ.

Вообще, в целом про ФРП уже многое было сказано.

По АТР. В прошлом году также оказали поддержку в виде грантов на разработку конструкторской документации критических комплектующих. В рамках мероприятий НПТЛ это 113 проектов на сумму 8,5 млрд рублей.

РЭЦ также участвует в этих мероприятиях, играет важную роль в реализации нацпроекта "Международная кооперация и экспорт" и, соответственно, реализации продукции на экспорт, в том числе высокотехнологичной. Мероприятия были в прошлом году по внешнеторговым сделкам более чем на 20 млрд рублей. У нас десятки тысяч экспортеров, они проходят через РЭЦ, и РЭЦ активно участвует в этих процессах.

И, конечно, отдельно считаем важным отметить роль ВЭБ в финансировании ключевых инвестиционных проектов (также об этом сегодня уже говорилось). В рамках механизма кластерной инвестиционной платформы большие суммы выделены на это. Механизм является вытягивающим для больших, серьезных проектов, у которых большой мультипликатор и, соответственно, влияние на соседние отрасли также достаточно большое. Здесь и высокоскоростное движение (ВСМ), проект разработки и производства суверенного электропоезда, важный проект для туристической отрасли, о котором мало кто когда-либо задумывался, по развитию производства канатных дорог, ну и также четыре проекта в сфере химической и фармацевтической промышленности.

Что хотелось бы отметить помимо сухих статистических данных (уже в принципе Петруцей все было сказано) и прокомментировать из того, что сказал Дмитрий Викторович? Пропорцию — одна треть и две трети (финансирование государственное и финансирование собственными средствами). Здесь, конечно, роль государства и наша, как Минпромторга, заключается в четком выстраивании протекционистской политики, грамотной и сбалансированной, которая позволит участникам рынка понимать свои роль, место и объем в этом рынке, не перегибать и не создавать абсолютной монополии в технологических производствах, при этом гарантировать инвестиционную привлекательность. Это в это время достаточно сложно сделать. Мы все понимаем волатильности, которые происходят в экономике, в том числе от внешнего воздействия, и сейчас внутренними мерами пытаемся это регулировать. Тем не менее роль Минпромторга, безусловно, — в гарантиях инвесторам по защищенности средств и потом вовлечению результатов инвестиционной деятельности в экономический результат.

Поэтому у нас с ВЭБ большой объем работы. В целом хотелось бы, конечно, поблагодарить ВЭБ за эффективное и результативное сотрудничество для достижения национальной цели развития "Технологическое лидерство". У нас широкий перечень проектов. Мы очень плотно взаимодействуем и по общесистемным мерам, и по отраслевым направлениям, отдельно каждое из направлений с ВЭБ взаимодействует. Спасибо большое.

А.В. КУТЕПОВ

Спасибо большое, Кирилл Алексеевич.

Анатолий Дмитриевич попросил дать слово, поскольку ему нужно уехать.

А.Д. АРТАМОНОВ

Спасибо большое, Андрей Викторович.

Уважаемый Игорь Иванович! На сегодняшний день на площадке Правительства Российской Федерации с участием Совета Федерации активно обсуждается ряд изменений в законодательство о концессионных соглашениях. В том числе расширение роли ВЭБ предполагается, в частности предлагается ввести обязательную предварительную оценку проектов с учетом экспертного заключения ВЭБ.РФ. Мы провели заседание "круглого стола" на эту тему с участием Министерства финансов, Министерства экономического развития, Счетной палаты, и представители Банка России были. Очень большой интерес проявили регионы, практически все регионы присутствовали.

Вопрос такой: насколько вы изучили эти предполагаемые изменения, согласны ли вы с ними и можем ли мы рассчитывать на то, что концессионные договоры станут более прозрачными и менее рискованными для бюджетов?

И.И. ШУВАЛОВ

Уважаемый Анатолий Дмитриевич! Все эти инициативы возникли в ответ на поручение президента по поводу того, что надо перезапустить систему частно-государственного партнерства. Концессионные соглашения, о которых Вы говорите, – только один из элементов, наиболее, может быть, для нас знакомый, понятный и важный.

Другие формы частно-государственного партнерства и эта, как наиболее распространенная сейчас, если мы говорим про инвестиции, стали подвергаться определенному, я скажу так, испытанию. Правоохранительные органы стали ставить под сомнение заключенные соглашения, то, что там была действительно взвешенная, сбалансированная модель распределения рисков. Как правило, указывалось, что такие концессионные соглашения и другие формы соглашений заключаются, притом что риски в основном несет публичная сторона, а частная сторона, или инвестор, наоборот, в таких сделках застрахована, ничем не рискует, собственным капиталом не рискует, а все позитивные заработки, то, что дает этот проект как позитивный эффект, присваиваются себе в ходе этих сложившихся отношений. И ВЭБ здесь появился только для того, чтобы эту систему разгрузить.

Да, мы, конечно же, вместе с Министерством экономического развития под их непосредственным руководством работаем, вовлекаемся в эту работу и понимаем свою ответственность, чтобы не сделать систему невозможной или еще больше забюрократизированной, а, наоборот, открыть все возможные каналы, для того чтобы такие соглашения заключались, но было понятно, что действительно проанализированы риски и эти риски сбалансированы.

Часто Министерство финансов ставит вопрос, я думаю, как ответ на эту критику со стороны правоохранительной системы: как может быть такое частно-государственное партнерство, где участие

частного инвестора, например, 10 процентов, а 90 – со стороны бюджета? Ответ: может быть, если такое решение примет публичная сторона. Да, для этого должны быть объяснения, в том числе в регионе, если это региональная концессия, или на федеральном уровне. Потому что, когда инвестор, например, инвестирует до 10 процентов (это, может быть, как пропорция совершенно неадекватно звучит), у проекта появляется другая эффективность, другое управление. Это все, конечно же, нужно обсуждать. И мы не можем в ВЭБ сказать, а сколько должно быть процентов – 50 на 50, 60 на 40. Мы не можем сказать.

Поэтому такие сложные концессионные соглашения часто идут по линии Министерства транспорта. Там очень сложные модели. Вот сейчас будет запускаться ВСМ, там много таких решений, они даже часто не называются концессией. Там везде государственно-частное партнерство. И наша задача – сделать систему обсуждения прозрачной, заключение – прозрачным. Вот этот порог – в 3 млрд рублей возник для того, чтобы уж совсем в мелочи не копать, и это не должно быть нашей компетенцией.

А по крупным инвестиционным сделкам мы через наш агентский блок (это не бизнес-блок, это не то, чем занимается Николай)... У нас есть компетенция, которая называется агентским блоком, и построена китайская стена внутри организации, это там, где мы обслуживаем по договорам или в силу решений правительства как раз интересы публичной стороны. И у нас агентская функция возникла там, где мы обслуживаем международные соглашения в области финансов, защищая интересы Министерства финансов. А вот по этой части у нас появилась агентская функция в пользу Министерства экономического развития. Поэтому Министерство экономического развития заинтересовано в том, чтобы таких соглашений было как можно больше и других форм частно-государственного партнерства.

Поэтому мой ответ такой: мы вместе сопровождаем, но задача — сделать так, чтобы это был работающий механизм, а не окончательно его похоронить.

А.Д. АРТАМОНОВ

Спасибо большое.

А.В. КУТЕПОВ

Татьяна Владимировна, прошу Вас.

Т.В. СЕМЁНОВА

Спасибо.

Уважаемый Андрей Викторович, уважаемый Игорь Иванович! Если мы сегодня в основном концентрируемся на технологическом лидерстве, то одна из сфер, которая определена в указе № 309, — это сфера здравоохранения. И здесь Минздрав России, как квалифицированный заказчик, однозначно заинтересован и в суверенитете, и в лидерстве нашей страны в нашей сфере. Если мы говорим о суверенитете, то это предотвращение рисков дефектуры лекарственных препаратов, ну а лидерство — это основа технологического развития отрасли здравоохранения, жизнь, здоровье наших граждан.

Один из реализуемых национальных проектов технологического лидерства, о которых мы сегодня говорим, — это проект в области здравоохранения "Новые технологии сбережения здоровья". По сути, он построен таким образом, что один из федеральных проектов в его составе направлен на технологический суверенитет, на ликвидацию дефектуры медицинских изделий и средств лекарственного применения. Соответственно, три проекта — это проекты технологического лидерства, два из которых на руке Министерства науки и высшего образования и один на руке Министерства здравоохранения.

По инновационным проектам хочется отметить, что в их парадигме в основном научные разработки (об этом уже Денис Сергеевич говорил), которые финансируются (даже не в основном, а единственный источник) за счет средств федерального бюджета, поскольку разработчиками являются государственные бюджетные, автономные научно-образовательные организации.

В принципе сам замкнутый цикл достаточно эффективен. Если приводить несколько цифр, то с 2019 по 2024 год было разработано 89 новых медицинских изделий федеральными государственными учреждениями и, соответственно, в 2024 году в гражданский оборот введено более 269 тысяч единиц. С медицинскими изделиями некоторым образом проще: они дешевле, у них короче, понятнее цикл и меньше рисков. С лекарственными препаратами, фармацевцией, все сложнее. В период с 2019 по 2024 год у нас было зарегистрировано 16 МНН по оригинальным отечественным лекарственным препаратам, и в 2024 году почти 4 миллиона упаковок было введено в гражданский оборот.

Разработка лекарственных препаратов, как мы знаем, — достаточно длинный процесс, и мировая практика демонстрирует, что только один из семи вышедших на клинические исследования препаратов доходит до своего финального рынка и потребления гражданами. Таким образом, здесь слишком велики риски, поэтому сегодня мы находим возможность приоритизации там, где это действительно прорывные наработки, федеральных денег на первую и вторую фазы клинических исследований, где риски максимально велики, а стоимость не криминально высокая. Но при этом, когда мы доходим до третьей фазы клинических исследований, где стоимость одного препарата — 0,5 миллиарда, 1 млрд рублей, государство не может однозначно оказывать поддержку таким разработкам, и здесь крайне велико как раз для преодоления "долины смерти" для

лекарственных препаратов участие институтов развития и индустриальных партнеров.

Мы по этой цели однозначно пытаемся найти решение. И в рамках национального проекта был создан центр трансфера технологий, у которого как раз одна из задач – это не только определение рекомендаций по планированию доклиники, клиники, исследований патентной чистоты тех или иных предложений в рамках научного исследования, но самое главное – это поддержка, сопровождение и поиск индустриального партнера. За два года существования нашего центра трансфера технологий мы нашли и сопроводили с индустриальным партнером 17 лекарственных препаратов и 17 медицинских изделий.

Несмотря на то что этот вопрос в плоскости взаимодействия институтов развития с коммерческими компаниями, Минздрав России готов максимально осуществлять методологическое сопровождение и оказывать содействие на своей площадке. У нас уже есть такой опыт – осуществлять коммуникацию между различными структурами, для того чтобы мы не бросали из-за отсутствия возможности дальнейшего сопровождения какие-то наиболее эффективные разработки, доводили их до конца, доводили их до каждого потребителя, до каждого гражданина.

А.В. КУТЕПОВ

Спасибо.

Ну что, к дискуссии перейдем? Не будем выбиваться из графика.

Евгений Иванович, прошу.

Е.И. ДИТРИХ

Спасибо большое, Андрей Викторович.

Уважаемый Игорь Иванович, благодарю за подробную презентацию и за то, что мы смогли посмотреть работу блоков, основные направления их работы, применение усилий.

У меня два вопроса. Один, наверное, попроще – утилитарный.

Мы сейчас много различными средствами, различными способами стараемся помогать участникам и ветеранам специальной военной операции, вовлекаем их в различные процессы: это их трудоустройство по тем специальностям, по которым они хотели бы, могли бы выполнять работу, и это, естественно, поддержка их начинаний в сфере бизнеса. Корпорация МСП в этом смысле активно работает по поддержке всех бизнесменов, всех направлений. Хотел бы спросить, во-первых: есть ли какие-то специализированные программы, которые могли бы помогать участникам СВО?

И мой второй вопрос, наверное, больше на понимание, исходя из задачи, которая президентом поставлена, которую ВЭБ выполняет, по концентрации у себя, сбору под свое крыло институтов развития. Это, наверное, как бы идеология, подразумевающая единую корпоративную культуру, единые методы управления, единые подходы в построении, принятии решений по группе ВЭБ. Как Вы считаете, насколько и когда можно будет перейти к некоему единому формату управления средствами? Рассматриваете ли вы возможность, скажем, государственной корпорации "ВЭБ.РФ", как единого управляющего, который мог бы управлять этими средствами, выделяемыми государством на различные инструменты господдержки, определять условия по различным институтам развития использования таких средств? Не считаете ли Вы, что это могло бы повысить эффективность и усилить контроль за их использованием и за достижением целей проекта? Спасибо.

И.И. ШУВАЛОВ

Спасибо, Евгений Иванович.

По поводу ветеранов, участников специальной военной операции. Мы даже до всех решений, которые были приняты на высоком уровне, взяли на себя ответственную задачу – работать с теми,

кто хочет получить образование в финансовой области. Мы финансовая организация, и, потом, особенно при учреждении фонда "Защитники Отечества" и назначении туда Анны Евгеньевны Цивилёвой понятно, что мы должны выполнять какую-то другую работу, а не ту, что фонд. Мы с фондом договорились о партнерских отношениях. И, должен вам сказать, когда мы ездим в регионы, встречаемся с семьями ветеранов или самими ветеранами, они даже просят нас о том, чтобы мы помогли по линии фонда (а у нас с фондом хорошие отношения сложились).

Там, где это выходит за компетенцию фонда, мы к фонду не обращаемся, оперируем своими источниками. Кому-то нужна дополнительная медицинская помощь, кому-то нужна помощь в обучении детей. Мы сейчас были в Сибири, договорились, что кого-то направим по запросу в средние профессиональные учебные заведения, кому-то будем помогать, направлять в высшие учебные заведения. При этом наша помощь должна заключаться в первую очередь в том, чтобы не просто было предоставлено бюджетное место, а чтобы подготовить как следует к процессу обучения, потому что, вы знаете, если это будет дискредитировано, просто выделено место, а потом — отчисление студента, это очень неплохая затея, будет выглядеть плохо. Вряд ли мы сейчас можем говорить о воссоздании системы рабфаков, но мы по крайней мере с помощью своих возможностей, каких-то дополнительных возможностей, которые есть в регионах, в том числе через репетиторство, будем стараться подготовить к единому государственному экзамену, с тем чтобы потом он был успешным студентом. Мы видим здесь свою задачу, будем дальше это продвигать.

С какой позицией мы будем стоять на рынке? Что не только мы, как финансовое учреждение, и те организации, которые входят в периметр нашей ответственности, но и наши партнеры (это крупнейшие коммерческие банки) для тех, кто хочет обучиться в

первоклассных финансовых вузах или получить в первоклассных вузах экономическую специальность (это, как правило, либо московская финансовая академия, либо лучшие экономические вузы – Высшая школа экономики, экономический факультет МГУ и другие)... У нас уже есть определенные договоренности с пятью вузами, не больше, то есть мы не размазываем эту компетенцию. С некоторыми работаем так: мы сейчас взяли трех ветеранов СВО к себе на работу. У одного IT-образование, один – профессиональный военный, кстати, кавалер двух орденов Мужества. Но наше условие такое: все равно учиться в области финансов. То есть они приходят к нам, получают объем работы, но берут на себя обязательство получить высшее образование в области финансов. И они сейчас уже добросовестно (первый курс) обучаются. Очень хорошие ребята, пережившие много чего, они все трое у нас инвалиды с протезами, но с очень серьезным духом. Могут сказать, что один парень (как раз кавалер двух орденов Мужества) через две недели после того, как был установлен протез, прыгнул с парашютом. Они такого крепкого духа.

Наверное, наша основная ответственность – это профессионально помочь устроиться людям, у кого есть желание учиться. Мы такую возможность дадим, будем поддерживать заработной платой и объемом работ, которые они могут в течение учебы получить, потихоньку адаптировать, инкорпорировать в потребности по финансовой линии. Таким образом, люди смогут и получить хорошую профессию, и твердо стоять на ногах.

По линии Корпорации МСП есть специальная программа. Они, кстати, ее достаточно активно продвигают в публичной сфере, об этом пишут. Мы через блок коммуникаций эту информацию также доводим. Отдельная программа есть и в целом запрос на то, чтобы поддержать предпринимательскую инициативу для участников СВО, – тоже. Здесь также мы с московской школой управления работаем, для них

специальные курсы организовываем. Им надо поучиться, потому что прийти и получить гранты или какое-то льготное финансирование... Это же не дефолт должен быть для Корпорации МСП, а все-таки ответственная работа с обеих сторон.

В общем, здесь как можем вовлекаемся, не концентрируемся на тех инструментах, которые есть в фонде "Защитники Отечества". Мы с ними проводим партнерские мероприятия, в том числе на нашей площадке. Дать семьям стабильную работу и хорошую профессию – это, наверное, главное, чем мы можем помочь, и эту работу мы будем проводить.

Что касается того, о чем Вы спросили, будет ли единый центр управления. Знаете, Евгений Иванович, мы вместе с вами это же тоже обсуждали до того, как ГТЛК передавали под управление ВЭБ. Опасная вещь, связанная с единой корпоративной культурой. Я придерживаюсь принципа конкуренции. У нас много организаций. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы был внедрен платформенный принцип управления, чего ожидает от нас председатель правительства Михаил Владимирович, он нас на это ориентирует. Мы не очень пока обрисовали себе формы этой платформы, и у нас задание – это решить с председателем нашего наблюдательного совета Дмитрием Юрьевичем Григоренко, который отвечает в том числе за цифровую трансформацию. В рамках платформенного управления и предоставления наших сервисов рынку было бы хорошо, чтобы мы научились между собой конкурировать за лучшую корпоративную культуру, потому что мне бы не хотелось, чтобы мы навязывали, говоря, что в ВЭБ она лучше. Иногда, может быть, стоило ВЭБ хорошенько еще подтягиваться за кем-нибудь.

Мы в принципе за семь лет сделали многое, для того чтобы коллектив у нас был первоклассным. Я вам скажу, я уверен, что у нас первоклассный коллектив, хорошо образованный. Пережил семь

реорганизаций. Теперь я уже говорю, что больше реорганизаций не будет, переходим в фазу постоянной реорганизации. Товарищи знают, это достаточно стрессовый период, когда мы все время оптимизируем численность и подвергаем людей оценке, которую проводим при помощи посторонних источников. Раньше мы это делали при помощи PwC, теперь – "Технологий доверия". Создали вместе с ними специальную методологию по оценке и ее внедрили. Используем сторонний механизм, который называется SberQ, платим "Сберу". Они нам не конкуренты, а мы не конкуренты им. Мы конкуренты только за работников, но по продуктам мы не конкуренты, а работники-то те же. Вот Николай работал в "Сбере". Конечно же, у нас много и других сотрудников. В свое время, когда спасали ВЭБ, пришло более 200 человек. У нас много подготовленных людей и из "Сбера", и из ВТБ, и из Газпромбанка, но теперь они уже, после того как эти люди прошли серьезную профессиональную школу в ВЭБ, обратно их перекупают.

Мы в такой серьезной конкурентной среде, что хорошо, но людей, которых продвигаем внутри себя, подвергаем этому сложному экзамену – SberQ. Он по сложной версии три дня идет. Если для того чтобы получить место работы в "Сбере", нужно набрать 5 баллов, то для того чтобы получить возможность продвинуться по позициям внутри ВЭБ, надо набрать 6+, притом что мы платим меньше, чем в коммерческих банках и так далее.

То есть мы используем эти механизмы. Мы же открыты и хотим, чтобы все компании, все организации, которые с нами на этой платформе развития, сами вовлекались в эту конкурентную борьбу. Какие нам нужны рычаги? Реорганизация не проходит, обучение сотрудников не проходит. Они не стремятся к лучшему корпоративному поведению – наверное, тогда нам надо вступать и начинать их не просто стимулировать, а понуждать к такому

поведению. Но если само руководство даже работает быстрее, чем мы, это, значит, для нас мотив побыстрее работать, чем они, как бы конкурировать, в том числе и конкурировать за лучших работников.

По управлению средствами. Я считаю, что эта задача – по платформенному предоставлению сервисов рано или поздно приведет к консолидации всех источников, которые есть в группе. Инструментарий при этом у всех разный. Того инструмента, который есть у Романа Васильевича, у нас нет. Есть у него специалисты, которые могут наш инструмент своими силами продвигать. Здесь эта комбинация будет развиваться. Платформа появится – будет больше ума в расходовании средств и в инвестировании средств.

А.В. КУТЕПОВ

Иван Александрович.

И.А. ЕВСТИФЕЕВ

Спасибо, Андрей Викторович.

Уважаемый Игорь Иванович! Сегодня существует широкий спектр инструментов государственной поддержки технологических проектов – от субсидий до льготных займов. Однако практика показывает, что заложенные в них механизмы часто дают сбой из-за необъективной экспертизы, отсутствия гарантированного спроса, длительных сроков и некомпетентных исполнителей, что ведет к тому, что расходование бюджетных средств не приводит к заявленным целям (то, о чем мы сегодня уже говорили).

ВЭБ позиционирует себя как институт развития, способный брать на себя сложные, капиталоемкие проекты, особенно в сфере технологического суверенитета. Сейчас для технологического суверенитета критически важны два направления – это высокотехнологическая реабилитация, особенно участников СВО, о которых мы сейчас говорим, и, разумеется, беспилотные системы, о которых мы сегодня тоже говорили. Очевидно, что качество

инвестиций ВЭБ в эти сферы напрямую зависит от качества экспертной оценки, о которой сейчас говорил мой коллега Артамонов.

Как именно руководство ВЭБ видит возможность преодолеть перечисленные системные недостатки в рамках своей инвестиционной деятельности? Готова ли корпорация предложить рынку иной стандарт работы, который включил бы в себя, например, обязательную независимую научно-техническую экспертизу, механизмы синхронизации инвестиций с гарантированным спросом, гибкие условия по срокам и софинансированию? Планируется ли создание каких-то подобных механизмов? Игорь Иванович, вот об этом вопрос. Спасибо.

И.И. ШУВАЛОВ

Уж и не знаю, как Вам сказать, но скажу, как думаю. Я считаю, что экспертиз в нашей деятельности предостаточно, даже излишне. А почему их так много? Потому что все время спрашивают... Как я вам сказал, вот образовался дефолт — здесь все, начиная от нерепрессивных органов, таких как Счетная палата, до репрессивных, таких как ФСБ... вы встаете со всеми сразу в один ряд и даете объяснения, почему допущен дефолт. И, как правило, ответ на это какой? Системная работа в усилении экспертной работы, предоставлении дополнительных каких-то сторонних мнений, что проекту быть. Ответ, мне кажется, не в этом. Ответ в том, что все-таки предприниматели должны больше зарабатывать и понимать, что их будущий заработок зависит от их аппетита к риску в новой сфере. А эта часть, наоборот, от того, что у нас больше контрольных мероприятий, больше и больше сокращается. Поэтому это наша общая ответственность.

Андрей Викторович прокомментировал, сказал, что ответственность Министерства экономического развития — чтобы все-таки эти отношения были, скорее, в сфере договорной, а не в

уголовно-правовой. Но это Министерство экономического развития вряд ли может сделать в одиночку, это ответственность всех нас, в том числе по формированию запроса к другому поведению предпринимателей и оценке их труда обществом, потому что другие предприниматели выросли, капитализму уже 35 лет. Это уже не те, кто получит поддержку государства, эти деньги сразу переведет куда-нибудь в офшорную зону и исчезнет с этими деньгами. Все изменилось. Нам надо в том числе и нормативную базу менять.

Николай, когда выступал, сказал, что мы получили в силу постановления правительства право на рискованную инвестицию. Право-то мы получили, но не хотим брать этот риск на себя, потому что понимаем, как завтра придется отвечать и нам, и этому инвестору. Честно вам скажу, что система не настроена. Пока мы произносим все время "технологическое лидерство", "платформы для обеспечения технологического лидерства". Произносить научились, но предстоит большая законодательная работа и по применению норм права, в том числе с правоохранительными нашими лидерами. Ситуацию надо в этой части изменить.

И здесь никакими дополнительными экспертизами, даже если они очень хорошие, не обойтись. По линии фондов, которые создаются (это фонды акционерного капитала, специальные, технологические фонды и кредитный ресурс), должна быть наша экспертиза, которая будет заканчиваться тем, что если наступил дефолт, но в целом, когда мы оцениваем портфель, по портфелю нет проблемы, а по отдельным проектам есть проблемы, то тогда не придут и никого не накажут, если нет умысла совершить хищение. Понимаете? То есть провал по отдельным проектам — это плохо, но главное, что в целом по портфелю нет провала. Если по отдельным проектам у нас все негативно и складывается большой убыток для организаций, который нужно покрыть за счет бюджетных источников, это тогда вопрос к

нашему плохому управлению. Надо оценивать в целом эффекты от нашей деятельности по портфелю, а не по отдельным проектам. Мне кажется, здесь ответ.

А.В. КУТЕПОВ

Игорь Иванович, с нами Владимир Иванович Булавин, председатель Комитета по обороне и безопасности. И, когда мы будем готовить следующий закон в отношении, наверное, все-таки либерализации нашей экономики, я думаю, нам с ним нужно будет вдвоем подписывать его.

И.И. ШУВАЛОВ

Мы с Владимиром Ивановичем много лет работали вместе. Только хорошие воспоминания.

В.И. БУЛАВИН

Спасибо, Игорь Иванович.

Но сегодня каждый о своем. Я, как председатель Комитета по обороне и безопасности, не могу не сказать следующее — что, несомненно, мы станем технологическими лидерами, но нам нужно на должном уровне поддерживать обеспечение национальной безопасности. Скорее всего, мы находимся в начале нового витка развития гонки вооружений. И потенциал целой плеяды наших ученых-ядерщиков, наверное, на исходе, мы его исчерпали. Поэтому нам нужны новые, прорывные вещи в фундаментальных науках — математике, теоретической физике, экспериментальной физике. Но самое главное — нам нужны новые гении, нам нужны новые Харитоны, Зельдовичи, Сахаровы, Курчатовы.

Вот вставал вопрос о рисках финансирования фундаментальных наук. Они, конечно, там были, есть и будут. Мне, Игорь Иванович, представляется, что нужно разработать просто новые подходы к этому и финансировать не только фундаментальные науки, но и выращивание новых гениев, которые обеспечат безопасность и

нынешним поколениям людей и, конечно же, сработают на будущее с точки зрения создания оружия на новых физических принципах. Спасибо.

А.В. КУТЕПОВ

Владимир Иванович, а я бы еще вспомнил в общем контексте фамилию Судоплатова – и вообще, мне кажется, была бы полная емкость всего.

Владимир Казимирович, прошу Вас.

И.И. ШУВАЛОВ

Подождите. Можно мне два слова сказать?

А.В. КУТЕПОВ

Давайте. Поскольку вы давно знакомы, не могу...

И.И. ШУВАЛОВ

Мы давно знакомы с Владимиром Ивановичем, и мы друг другу помогали в нашей тяжелой работе, вместе добивались больших результатов.

Владимир Иванович, по поводу фундаментальной науки ничего сказать не могу. Думаю, что государством здесь в меру своих финансовых возможностей делается многое. Насколько я могу помогать процессу – как раз тем, как знания можно конвертировать в конкретный продукт для рынка. И с помощью этих уникальных компетенций, которые есть у МФТИ, и новых компетенций, которые появились у нового технологического института – Сколтеха, мы как раз эту задачу, если будем работать слаженно, сможем решить.

Деньги у нас есть, для того чтобы запустить такие производства и таким образом поддержать научные коллективы. Деньги на это есть. Но инвестировать эти деньги, как я сказал, отвечая на предыдущий вопрос, боязно, потому что все время придется отвечать. Если МФТИ строился по определенным принципам, то Сколтех – ведь взяли за основу модель MIT, и потом, в 2022 году, это партнерство умерло.

Но как нам объясняли еще до того, как подписать соглашение? В лучшем случае 20 процентов компаний из 100 процентов будут прибыльными, скорее всего, около 80 умрут. И там никто не спрашивает, почему им были даны деньги. Но 20 процентов должны покрыть все эти убытки. А мы как будто об этом говорим все время, но довести это до реализуемости у нас не получается. Надо, чтобы не было потери у государства в целом, и тогда мы посмелее будем, и творческие, авторские коллективы будут посмелее, и вообще рынок интеллектуальной собственности запустится. Если этого не произойдет, тогда это будет все время как бы задачей, которая не консолидирует усилия, а их разрывает. И денег немного, и рынок небольшой, и еще при этом такой достаточно жесткий подход. А этот жесткий подход будет все время нас толкать к тому, что еще меньше возможностей будет у рынка.

А по поводу того, как больше денег направить в эту сферу, у нас тоже есть предложения. Мы сегодня как раз в рамках спецгруппы в Министерстве экономического развития смотрели новый финансовый инструментарий.

Ну и по большому счету мы тоже много лет говорим о том, что надо обязательно запустить страхование жизни, нужно реорганизовать путем консолидации возможности негосударственных пенсионных фондов. У нас сейчас есть определенные предложения (я вчера президенту об этом докладывал) по нашему НПФ "Благосостояние", совместному с РЖД. Тоже надо договариваться с Центральным банком, чтобы они позволили нам действовать смелее на рынке новых технологий и каких-то прорывных решений (может быть, не все эти денежные средства вернутся, но по крайней мере в совокупности портфель НПФ должен показывать хорошее будущее для застрахованных пенсионеров). А они спрашивают с нас за каждую копейку. А эти деньги есть. И сами застрахованные лица позволят нам

эти деньги инвестировать, отчасти беря на себя большой риск. Ну и в принципе более молодое поколение готово, например, инвестировать через такие специальные программы, что показывают маркетинговые исследования.

Мне говорят: "Вы придумываете, а сейчас не лучшее время для этого, сейчас время ограничений, специальной военной операции". А мне кажется, наоборот, время ограничений — это в том числе время творить больше. Надо придумывать и слаженнее работать — и ответ будет эффективнее.

В.И. БУЛАВИН

Игорь Иванович, можно привлечь Ваше внимание к вновь созданному Национальному центру физики и математики под городом Саровым в Нижегородской области?

И.И. ШУВАЛОВ

А он в "Росатоме"?

В.И. БУЛАВИН

Да.

И.И. ШУВАЛОВ

Это компетенция "Росатома". Значит, в нашей ответственности компания "Просвещение", и там, например, мы сейчас обсуждаем с АСИ, как запустить специальный математический цикл. Мы можем, например, взять его как одно из лидирующих учреждений, которое поможет эту программу в масштабах страны сделать.

Хорошо, я запишу себе, посмотрю, что мы можем сделать.

Они самостоятельная организация, как вы знаете, не очень-то они, может быть, нуждаются в нашей поддержке. Но мы поработаем.

А.В. КУТЕПОВ

Владимир Казимирович.

В.К. КРАВЧЕНКО

Спасибо, Андрей Викторович.

У нас в комитете есть специализация. Коллеги поручили три направления – это эффективная и конкурентная экономика, меры поддержки БАС с учетом того, что в Томске открыт один из первых НПЦ БАС, и мало- и среднетоннажная химия. После того как Валентина Ивановна благословила, в Томске был создан кластер электроники и бесплотных систем, который уже производит и беспилотные мини-тракторы, и спутниковые терминалы для БВС, и лидары.

Мы провели три "круглых стола" – критические замечания прозвучали не только в адрес девяти институтов поддержки (я насчитал девять в презентации), но и в целом органов власти, потому что люди приходят сюда (руководители, и, соответственно, эксперты) и говорят в общем.

Итак, первое, на что обращают внимание, – разрозненность мер оказываемой поддержки, сложность в их практическом применении, а также недостаточная адресность. Компании вынуждены привлекать отдельных специалистов для мониторинга, оформления и освоения мер поддержки.

В связи с этим высказано предложение, что необходимо сосредоточиться не на создании новых мер поддержки, а на системной координации уже существующих механизмов, что будет способствовать переходу от количественных показателей сектора МСП к качественным результатам. А я хотел бы напомнить, что мы остаемся на уровне 21 процента в ВВП, если брать МСП. Президент, по-моему, лет 10 назад ставил задачу увеличить их долю минимум в два раза. Из более чем 6 миллионов субъектов МСП у нас малые технологические компании, к сожалению, находятся в зоне всего 6 тысяч. И как пример – мало- и среднетоннажная химия, сквозные технологии. Те, кто занимается сейчас как раз разработкой стратегии, говорят, что, для того чтобы создать новое предприятие в Китае, нужно три-четыре года,

в России — семь-восемь лет (в два раза больше). Это административные барьеры, которые нужно снимать.

Следующий момент — пересмотреть ключевые показатели эффективности для институтов поддержки с акцентом на рост оборота/выручки получателей поддержки, рост занятости, производительности труда. Исключить семинары, вебинары, "круглые столы", сессии, форумы и другие мероприятия. По оценкам бизнеса, лишь пять из 100 таких мероприятий полезны с точки зрения приобретаемых знаний. Консультации излишне сфокусированы на первых шагах в бизнесе, в то время как предприниматели, технологический бизнес, просят разбор кейсов и готовые решения ("дорожные карты") в области кредитования, лизинга, выхода на экспорт и промышленной ипотеки. Проводили в конце года — уже в июне было закрыто окно по промышленной ипотеке. Предприятия начали модернизировать производства, заявки были закрыты. Ну, вот лимиты...

Перераспределить средства, выделяемые в рамках мер поддержки МСП, на направления, которые востребованы у бизнеса: льготы по налогообложению, кредитам, ставкам аренды, предоставление гарантий и "зонтичных" поручительств, содействие выходу на маркетплейсы и международные рынки. Согласно данным "Бизнес-барометра" ТПП, 59 процентов респондентов считают помощь по линии институтов развития в нынешнем виде бесполезной (это к мониторингу, который мы проводили).

Есть предложения. Андрей Викторович, у нас прошла сессия по развитию Томской области, и была отдельная секция с участием в том числе министерства промышленности и так далее. Чтобы сейчас время не занимать (здесь есть предложения и к Российскому научному фонду, и к министерству промышленности), кратко.

Рассмотреть возможность совместного отбора финансирования проектов (потому что Томск на этом специализируется), от вузов поддержать малые технологические компании, например, через создание специализированных венчурных фондов для развития инноваций с льготными ставками на НИОКР и ввести ускоренный трек для проектов с бюджетом до 1 млрд рублей.

И последнее. У нас девять институтов развития (на сегодняшний день, насколько я помню, в России нет ни одного технологического "единорога"; про "Яндекс" говорят, но это уже в прошлом), и если каждый, Андрей Викторович, по одной компании взрастит и выведет в своем направлении – это будет прорыв. Спасибо за внимание.

А.В. КУТЕПОВ

Каждый из сенаторов, Владимир Казимирович?

В.К. КРАВЧЕНКО

Нет, из институтов развития.

А.В. КУТЕПОВ

У меня, Владимир Казимирович, просьба.

Николай Викторович, Владимир Казимирович генерит прямо свои предложения от Томской области. Если можно, встретьтесь с ним, чтобы Игорь Иванович не комментировал сейчас.

Виктор Мельхиорович, прошу Вас.

В.М. КРЕСС

Спасибо, Андрей Викторович.

Игорь Иванович, у меня немножко попроще предложение или просьба.

Вчера на совещании в Агентстве стратегических инициатив в части поручения президента Владимира Владимировича Путина институтам развития помогать регионам в реставрации домов, представляющих исторический и архитектурный интерес, Вы ответили, что для этих целей определили два пилотных региона, в которых

готовы выделять льготные кредиты малым предприятиям на эти цели. Убедительная просьба расширить до трех регионов, добавить третий (Зауралье, Сибирь, Томск).

И.И. ШУВАЛОВ

Хорошо. Сделаем.

В.М. КРЕСС

Спасибо.

Е.Ю. УВАРКИНА

Спасибо, Андрей Викторович.

Игорь Иванович, здравствуйте! Хочу отдельно сказать спасибо Вам за те образовательные программы, которые вы организуете для муниципальных и региональных команд. Хочу сказать, что я тот ученик, который вышел из школы "Гостеприимные города" (100 городов). Я, откровенно, как раз в рамках обучения узнала о таком инструменте, как концессия. И, о чудо, по стечению обстоятельств у нас заработала программа модернизации городского транспорта. Мы реализовали проекты концессии по ЖКХ, по строительству школы. И на собственной практике осознала, как команды муниципальные и региональные вообще понимают, что такое прямое соглашение, что такое институт особых обстоятельств.

И не только тогда, когда мы в такой жесткой дискуссии составляли всю документацию в рамках концессии, мы это прошли, мы это осознали еще с тем учетом, что у нас серьезно изменилась конъюнктура. И так как концессия предполагает отсутствие разработанной проектной документации, она предполагает, что именно концессионер разработает эту проектную документацию, изначально финансовая модель делается на основе так называемых расчетов с НДС. Все это привело к тому, что у нас получилось увеличение стоимости и, к сожалению, на мой взгляд, у публичной стороны (не только у прокуратуры, как Вы это отметили, но и у публичной

стороны) возникло полное непонимание того, что эта ответственность есть и она принимаема именно в части...

Понимаете, в чем сейчас суть? На сегодняшний день я тоже вижу и понимаю, что идет сильнейшая дискредитация такого инструмента, как концессия, и это большой риск в целом для системы. Ключевая ставка в конечном счете когда-то снизится, она уже имеет такую тенденцию. Этот инструмент сегодня в первую очередь ставится под сомнение из-за того, что происходит увеличение стоимости проекта. А это происходит по понятной причине – потому что концессия предполагает, что концессионер сам составит проектную документацию и с ней придет и в случае увеличения стоимости подписывается соглашение, публичная сторона берет на себя, если есть экспертиза, если есть соответствующие документы.

Но здесь и со стороны прокуратуры, и порой со стороны субъектов выражается несогласие – и останавливается концессия. И, вообще, мне кажется, здесь нам нужно подумать, Игорь Иванович, возможно, стоит именно для публичной стороны в рамках таких документов все-таки разделить на две части: сначала – проектирование, когда субъект будет более осознанно понимать объемы, и тогда уже эти инструменты будут реализовываться с меньшим риском. Я вижу в первую очередь отсутствие понимания со стороны многих субъектов причины увеличения и непринятие этой ответственности по росту стоимости.

Есть объективная причина – отсутствие возможностей у бюджета. Но в первую очередь, на мой взгляд, есть отсутствие логики, понимания, что концессия – это имущество, которое создается, оно является муниципальным или субъектовым, и здесь со стороны концессионера и инвестора идет четкое фиксированное удорожание, которое... Если бы он реализовывал самостоятельно проект, как бизнес, у него бы были эти риски, он бы брал эти риски на себя. Но в данном

случае, мне кажется, нам надо подумать, как этот инструмент защитить.

А.В. КУТЕПОВ

Игорь Иванович, это в продолжение.

И.И. ШУВАЛОВ

Я думаю, что над этим всем нам вместе надо подумать, потому что все равно это все будет оформлено законом. В пределах нашей общей дискуссии что придумаем, то и оформим (извините). Но не так все просто с этими обстоятельствами сейчас.

И еще, понимаете, какая штука? Мы сами-то не научились за эти 30 лет рыночных отношений эти инструменты применять как следует, а уже и в Китае, и в США, и во многих странах настолько модифицируются все эти соглашения и приобретают уже комплексные черты эти договоры! А у нас еще даже в классическом образце концессии нет. Мы очень отстаем здесь.

А.В. КУТЕПОВ

Ну что говорить в отношении соглашений о ГЧП? Каждый год их количество растет. Концессии по строительству разных объектов в последние годы набрали тоже большой оборот. Вызывает, конечно, у определенных органов вопросы...

И.И. ШУВАЛОВ

Андрей Викторович, вот что пишут? Смотрите (насколько я понимаю, я слежу за дискуссией), например, на площадке Совета Федерации, поскольку вы тесно связаны с регионами, есть понимание, что за счет бюджетных средств субъектов Российской Федерации экономику и вообще качество жизни не поднять, это можно сделать только путем совмещения всех источников — государственных (всех публичных денег — муниципальных, региональных, федеральных) и, конечно же, частных денег.

Была такая тема — запуск инфраструктурной ипотеки (так это было названо лет семь-восемь назад, поскольку бюджетная обеспеченность в регионах разная), когда через образование долга в широком смысле, в том числе через концессии и другие формы государственно-частного партнерства, мы сможем предоставить образование в детских садах, школах, учреждениях начального профессионального образования, ну и так далее, где-то создадим новую городскую транспортную инфраструктуру, обеспечим доступность за счет формирования долга. Потому что эти обязательства — по концессии или по другой форме государственно-частного партнерства — не описываются бюджетным законодательством как долг, а это, по сути, все равно долг.

И мы неоднократно говорили... У нас была наша коллега Светлана Ячевская, которая работала...

А.В. КУТЕПОВ

Ипотека.

И.И. ШУВАЛОВ

Вот они ее поэтому и называли "инфраструктурная ипотека" — что давайте мы опишем в законе, как создавать вот этот реестр публичного долга для разных уровней. Он будет обязательно отражаться, даже если бюджеты его на себя пока не принимают как государственный долг. Это будет абсолютно прозрачно. Если не попал в этот реестр, тогда не признается в судебном порядке защита по такого рода обязательствам. Мне казалось, что было очень мудрое предложение.

Но мы с вами смогли бы, не ожидая 30 лет, когда будут возможности бюджетной системы, а в совокупности имея накопленный долг Российской Федерации, увеличить долговую нагрузку, для того чтобы создать другое качество жизни в масштабах страны — от Балтики до Тихого океана. Потому что если полагаться

только на бюджетные ассигнования, то пока вы построите мост, уже на дорогу, ведущую к этому мосту, через пять лет не будет средств, чтобы привести ее в порядок. Мы только привели какой-нибудь кампус в надлежащий вид, потом модернизируем транспорт, а уже кампус не на что будет ремонтировать.

Это сложная-сложная система отношений. И в этом есть смысл. Ведь, понимаете, сейчас технологии позволяют умнее инвестировать, чем это было раньше. Очень жесткая система контроля, в том числе благодаря и технологиям. Если нет в момент принятия решений никакого умысла похитить средства, надо такие решения проводить. А если эти денежные средства не возвращаются в силу объективных причин (санкций или какого-то другого обстоятельства тяжелого порядка), то здесь не должно быть никакого уголовного разбирательства. Вот такая штука. Я, извините, в эту точку возвращаюсь: нет злого умысла, нет намерений похитить средства или нанести ущерб публичным интересам — надо смелее относиться к тому, чтобы на заемные средства создавать возможности для граждан. Это правильно — так действовать.

Но пока мы что слышим? Даже модель концессии по школам — это, по сути, приобретение объекта в рассрочку, а никакая не концессия, за которую заплатит все равно бюджет, еще оплатив интерес коммерческих банков. Да, это правда, но только школы-то есть сейчас, а не через 20 лет. Это, понимаете, как люди говорили раньше, когда не было квартир в ипотеку: "Как я банку заплачу стоимость двух квартир? Вот квартира стоит 5 миллионов, а я еще 5 миллионов заплачу". Но ты же проживешь все свои лучшие годы в квартире. Понимаете, какая вещь?

Ладно, это длинный вопрос, очень тяжелый. Здесь это вопрос в том числе целеполагания, управления публичным долгом и настраивания соответствующего инструментария. Но в принципе наш

публичный долг небольшой, и можно было бы позволить себе с помощью долга, который мы взяли бы через финансовую систему, отразив его в надлежащем регистре, реестре, для наших с вами граждан, для муниципалитетов создать лучшие возможности. Но это такая сложная материя.

А.В. КУТЕПОВ

Всем предоставил слово? Все задали вопросы? Тогда будем завершать.

Игорь Иванович, я себе тут текст подготовил для завершения, но, пока шла дискуссия, решил поступить другим образом. У Вас же будет встреча с Валентиной Ивановной?

И.И. ШУВАЛОВ

Будет.

А.В. КУТЕПОВ

Игорь Иванович, вот последнее свое это выступление попытайтесь воспроизвести во вступительном слове на встрече с Председателем Совета Федерации – и, мне кажется, мы встанем тогда на путь решения серьезной проблемы для регионов. Им сейчас крайне необходимо, чтобы мы все вместе объединились и объединили те денежные средства, которые у нас есть. А их у нас в избытке, как Вы сами сказали.

Игорь Иванович, спасибо за то, что пришли.

И.И. ШУВАЛОВ

Спасибо большое.

А.В. КУТЕПОВ

Мы будем готовиться к лету. Спасибо.
